

Чумные времена

Николай Марчук

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Николай Марчук
Чумные времена

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Марчук Н.

Чумные времена / Н. Марчук — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Когда в столице большой страны начинаются бунты и погромы, когда по улицам льется кровь, а воздух наполнен гарью горящих покрышек - это означает, что наступило Чумное время. Это книга об уличных войнах и противостоянии, о гражданской войне. Содержит нецензурную брань.

Николай Марчук

Чумные времена

«Противостояние»

"Революцию задумывают романтики, осуществляют фанатики, а плодами её пользуются подлецы"

Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен

Глава 1.

Бывают дни, которые не задаются с самого начала...криво так начинаются, как будто встал не с той ноги или проснулся не в том настроении, в общем, лучше бы таких дней не было вообще. Вот только у Степана Левченко, таких дней и даже ночей, было столько за последние полтора года, что он даже перестал обращать на них внимание. Ну, пробил колесо на машине и застрял посреди огромной лужи, когда на улице льет дождь как из ведра, а домкрат, как назло сломан, и чтобы поставить запаску, нужны кирпичи, вот только где их искать, если все это произошло в три часа ночи на трассе за городом. Или, к примеру, во время ярмарки, которую ты так долго ждал и так надеялся распродаться и вернуть вложенные деньги, именно возле твоего павильона прорвало трубу и коммунальщики раскопали такой котлован, что за три дня не было ни единой продажи, и все, что ты вложил в товар пропало и пошло по звезде. Да, много чего еще было за эти полтора года...много...слишком много.

Казалось бы, еще два года назад Степан был преуспевающим мелким бизнесменом, который работал не покладая рук и ног, всего в своей жизни добился исключительно своим трудом и сноровкой, да, не олигарх...и даже нет загородного дома, но двухкомнатная квартира и подержанная иномарка, это не так уж и мало, если учесть, что после «срочки» в армии, он ринулся в мутные воды частного предпринимательства имея в кармане стартовый капитал равный тридцати убитым енотам. Чего только не было за пятнадцать лет предпринимательства. Торговал на рынке с обычного лотка – маленького разборного столика, потом «дорос» до собственного ларька, который, о чудо, закрывался на ночь и там, можно было, оставлять товар, не таская его на своем горбу в арендованный склад. И все это в конце девяностых, когда было распространено «движение». Молодые сейчас даже не понимают этого термина – «движения», сейчас у всех на слуху такие понятия, как: рэкет, бригады, терки, качели, разборки и стрелки. Все это навеяно романтическими сериалами о непростой жизни в лихие девяностые, таким как: «Бригада» и «Бандитский Петербург». Но те, кто торговал на рынках в те времена, знают, что на самом деле при бандитах, которые носили спортивные костюмы, было больше порядка и прав, чем сейчас, при нынешних бандитах, которые называют себя государственные служащие, слуги народа и носят костюмы от «версаче». Те, одетые в «Пумы» и «Адидасы», молодые парни, четко знали: у кого и сколько можно брать, регулировали отпускные цены на реализованную продукцию, не допуская и монополии, чем давали возможность заработать всем желающим. Степан успел поторговать при бандитах чуть больше года, но это время запомнилось на всю жизнь, вот вроде и бандиты, а работать и зарабатывать, тогда было не в пример легче, чем сейчас – заплатил дань, и целый месяц, ни о чем не думаешь: ни о конкурентах, ни о налоговой инспекции, ни о чем...знай только таскай товар, да не зевай, считая выручку! Красота! А, потом, бандосов разогнали, потому что, самый главный злодей в нашем мире – это государство...оно не терпит конкурентов. Сразу же пришлось платить официальный ежедневный рыночный сбор, который превышал размер бандитской дани в два раза, оформить все разрешительные документы, ну и каждую неделю, скидываться на небольшой гешефт, когда рынок

посещали представители налоговой инспекции. И в итоге получилось, что работая официально и «по закону», за месяц из семейного бюджета нужно было отдать сумму в шесть раз превышающую дань! Как говорилось в старом анекдоте: заплатил все налоги и спи спокойно...на чердаках и в подвалах! Хотя, конечно, были и неприятные моменты в работе «под бандитами», и это еще мягко сказано, но если быть до конца откровенным, то все неприятные моменты, происходили по вине самих комерсов...жадность и «жаба», обычно выходят боком, а иногда заканчиваются поездкой ночью в лес, когда вас везут в багажнике, упакованного в пакеты... во много, маленьких пакетов.

Но, ничего, пережили, девяностые с их кризисом, потом двухтысячные, с точно таким же кризисом, а вот, в две тысячи двенадцатом году, как-то, оно все не заладилось, то ли год был такой, то ли еще, что-то...но при подсчете годовой прибыли, Степан впервые в своей жизни не поверил своим глазам...пересчитал еще раз все на калькуляторе, потом еще раз, но чудо не произошло...получалось, что в двенадцатом году, он сработал «в минус», и чтобы перекрыть этот, хренов «минус», пришлось взять кредит. Да, вот только и тринадцатый год не задался... к июню, у него было уже три кредита. А, в первых числах августа Степан попал в ДТП. Пришлось сделать дорогостоящую операцию...потом еще одну. Чтобы покрыть расходы, связанные с лечением и восстановлением чужого автомобиля, который как назло, оказался недавно купленной в автосалоне иномаркой представительского класса, пришлось продать бизнес, причем продать «за копейки»...уж, слишком нужны были деньги. Но, вроде выкрутился, здоровье подправил, ремонт чужой машины оплатил...остались только кредиты, которые надо было как-то погашать.

Степан не отчаивался, не тот он был человек, чтобы переживать по такой ерунде как кредиты, вот только в финансовых организациях сидят не те люди, которые так легко относятся к деньгам. Наш герой еще лежал в больнице, когда представители банков начали терроризировать семью Степана – звонили жене, тестю с тещей, короче всем, чьи телефоны смогли найти. Все это привело к тому, что после выхода из больницы наш герой остался без семьи и квартиры. Жена с детьми вернулась к родителям, а квартиру быстро продали, чтобы, не дай бог, банки не забрали в счет уплаты долгов.

И даже сейчас, оказавшись в такой тяжелой ситуации, Степан не вешал нос и как говорится – держал хвост пистолетом! Тем более, что пока он лежал в больнице, у него вызрел, очередной «гениальный» план – как можно легко, а главное быстро «поднять бабло»! План, как бы, не сам вызрел, а родился, вследствие подслушанного в больничной палате разговора. Последние две недели он только и занимался тем, что превращал свой план в жизнь: взял очередной, четвертый по счету кредит, нашел нужного для решения вопроса чиновника, который за определенную денежку, готов был собрать подписи под одним очень важным документом...короче, лед тронулся, господа присяжные заседатели!

Степан уже как два часа сидел в коридоре на третьем этаже городской администрации. Сидел на жестком стуле и ждал появления чиновника. Деньги, за оказание услуги, слугой народы были получены неделю назад, необходимый для сбора подписей срок, чиновник определили сам, так, что осталось только дожидаться его появления и забрать бумагу, внизу которой должен был быть целый «иконостас» из подписей и печатей. Четвертый кредит целиком уже был растрочен – часть денег пошла на взятку чиновнику, часть на закупку необходимого оборудования. И уже завтра, можно будет приступить к установке оборудования в одном, очень привлекательном помещении, аренда которого, собственно говоря, и стала возможной, благодаря пронырливому чиновнику. Если все пойдет так, как планировал Степан, то за год, можно будет погасить все четыре кредита, а потом уже пойдет чистая прибыль, на которую можно купить и новую квартиру, тогда и жена с детьми вернется. Эх, что-то слуга народа не спешит возвращаться, и куда его черти занесли, посреди разгара рабочего дня?

– Вы, Колбаскина ждете? – спросила миловидная девушка, которая проходила мимо по коридору.

– Ага, – ответил Степан, вскакивая со стула. – Два часа уже жду.

– Не ждите его, – строго ответила девушка, – он здесь больше не работает. Его сегодня уволили!

– КАК?! – Степан, аж присел от неожиданности. – Но, у него в кабинете должны быть мои документы. Подписанные и с печатями. Может как-то можно открыть дверь и посмотреть у него на столе?

– Мужчина, он уже, как три дня на работе не появляется. Видимо опять запер. А все бумаги, которые были в его кабинете, находятся в 24 кабинете, у юристов. Вы к ним ходите, может там и найдете, но, я думаю, что там нет ничего, – девушка развернулась и пошла дальше по коридору, виляя аппетитной на вид попой.

В этот момент Степан Левченко и понял, что день не задался! Хождение по кабинетам и коридорам исполкома в течение последующих двух часов ничего не дало. Нужных документов нигде не было, мало того, никто из тех, чья подпись должна была быть внизу заветного бланка, ничего не подписывали. А самое ужасное, было то, что помещение, которое так надеялся взять в аренду Степан, никто ему не отдаст, потому что, по достоверной информации, полученной от одной из секретарш, на это здание имел виды, один из депутатов городского совета, который по совместительству был еще и сыном мэра. Как не трудно догадаться с таким раскладом за стол не садятся!

Это был провал...полный и безоговорочный. Четыре кредита, ежемесячные проценты, по выплате которых, составляют чуть больше двух тысяч долларов и это без учета штрафных санкций. Впервые за многие годы, Степану захотелось напиться, да так, чтобы хоть на несколько дней не думать о проклятых кредитах. Но перед тем, как напиться, надо захватить домой к этому жирдяю Колбаскину и потребовать вернуть деньги...пусть, этого и не хватит чтобы покрыть даже часть кредита, но здесь уже дело принципа.

Не откладывая в долгий ящик, Степан, выйдя из здания исполкома, направился в гости к чиновнику. Колбаскин жил совсем рядом со зданием исполкома, надо было пройти метров пятьсот, свернуть на соседнюю улицу и взору открывался девятиэтажный дом, современной постройки, именуемый элитным жильем. Что такого в этой бетонной коробке было элитного не понятно, возможно только то, что это был один из немногих домов, возведенных в центре крымского городка, после перестройки...ну и соответственно, цена на квадратные метры в этом доме, во много раз превосходила стоимость в зданиях построенных еще при «совке». Вот только знающие люди, ну или те, кто все-таки сподобился купить квартиры в «элитном» доме, пожив пару лет, продавали свое жилье или меняли его на обычные «хрущевки» или «сталинки». Ибо, дом, хоть и «элитный», с дорогими квадратными метрами, но планировка квартир не охти, стены холодные, а водопроводные трубы установлены так, что когда по ним льется вода, то грохот стоит такой, как будто находишься в подземном метрополитене. Но, не смотря на все строительные недочеты и ошибки при проектировании, горожане по прежнему считали этот и еще пару соседних домов – элитными, а значит и всех кто в них жил – ЭЛИТОЙ. Именно, основываясь на этом факторе, господин Колбаскин приехав в приморский крымский городок, из хмурого шахтерского Донецка, решил поселиться в этом доме, тем более, что вопрос денег не стоял.

Колбаскин – герой нашего времени, он житель Донецка, а, как известно, в последние четыре года, с приходом к власти, самого главного «донецкого пацана» Януковича, Донбасс, подмял под себя всю Украину. Злые люди поговаривают, что жители Донецка побаиваются выходить на улицы, потому что их там ловят и отправляют на руководящие должности в разные регионы Украины. Вот и нашего Колбаскина постигла та же участь – он был отправлен на должность заместителем мэра одного из крымских городов. Изначально планировалось, что

Колбаскин за пару лет постигнет азы чиновничества и управленства, а потом сможет заменить мэра города, но получилось как всегда – молодой и растущий организм не выдержал испытания – вседозволенности и неограниченной финансовой поддержки. Ну и как это часто бывает – «организм» спился, регулярно был замечен в употребление «фена» и прочих прелестей сладкой жизни, чтобы хоть как-то остановить необратимые последствия деградации, родня Колбаскина приказала крымскому мэру отстранить их чадо от всех финансовых потоков... что, местным руководством и было выполнено. К несчастью, Степана Левченко, он принес свою взятку, за час до «увольнения» тела Колбаскина. Чиновник деньги взял, а когда услышал, что его отстранили от «кормушки» запил горькую... ну и пропил все деньги.

Степан не знал всех этих подробностей, как и не знал того, что Колбаскина лучше не трогать... возможно, если бы, он владел этими знаниями, то его жизнь сложилось бы по другому... но все получилось так, как получилось...

Найти квартиру, в которой жил Колбаскин особого труда не составило – внизу, на первом этаже, на почтовых ящиках лежала стопка счетов за телефон, видимо телефонистке было лень раскладывать их по ящикам, и она просто оставила лежать конверты на самом видном месте – кому надо, тот и сам свой счет найдет.

Проживал чиновник Колбаскин в квартире под номером двадцать четыре, что располагалась на шестом этаже. За дверью слышалась приглушенная музыка, и раздавались какие-то животные крики и визги, как будто там резали свинью.

Степану пришлось беспрерывно звонить в дверной звонок в течение пятнадцати минут, и только после того, как он принялся стучать кулаком, музыка и визги стихли, и кто-то принялся греметь замками и засовами.

– Ты, кто такой? – широко распахнув дверь, спросил смертельно пьяный мужчина в костюме Адама.

– Семен Игнатьевич, – начал было, Степан, понимая, что Колбаскину совершенно ничего сейчас не объяснишь, но отступать было некуда, – помните меня? Я – Степан Левченко. Мы с вами договаривались на счет аренды нежилого помещения по Еременко. Я вам еще дал определенную сумму, а вы должны были собрать подписи.

– И, чо, ик? – Колбаскин ничуть не стесняясь своей наготы, навалился на дверной косяк. – Что тебе надо, а? Я все сделал, как и обещал: подписи и печати собрал!

– Но, я был в исполкоме, там мне показывали бумаги из вашего кабинета, среди них моих не было, – Степан уже пожалел, что пришел к чиновнику домой, но уйти прямо сейчас было глупо.

– Это их проблемы... вернее, твои, – Колбаскин, хотел было захлопнуть дверь, но не рассчитал силы и упал на пол, падая чиновник свалил на себя вешалку.

Степан в последнюю минуту, успел отскочить назад. На грохот из комнаты выбежал молодой парень, тоже совершенно голый, но в отличие от чиновника, он был атлетически сложен, с рельефными мышцами и идеально ровным загаром, что говорило о регулярном посещении спортзала и солярия.

– Колбасочка, что с тобой? – нежданно высоким, девичьим голосом прокричал атлет.

– Пить меньше надо, – начиная закипать от злости, произнес Степан, перешагивая через еле шевелящегося чиновника. – Где его кабинет?

– А, ты кто? – сообразил спросить атлет. – Я сейчас вызову милицию!

– Давай, вот менты обрадуются, когда накроют ваше гнездо порока и похоти! – Левченко, уже понял, что надо воспользоваться ситуацией на полную, а то, кто его знает, когда еще представится такой шанс. – Тащи этого жирного пидора внутрь и захлопни дверь.

– Да, как вы смеете! – гневно закричал атлет. – Вы знаете, кем работает дядя...

Договорить загорелый любитель тренажеров не успел, Степан подхватил длинную трость с каменным набалдашником, которая стояла в прихожей, и аккуратно ткнул крепыша в грудь,

а точнее в солнечное сплетение. Культурист согнулся пополам и повалился на пол, при этом он издал такой громкий визг, что Степан сразу понял, кого он принял за свинью.

– Еще раз не по делу вякнешь и я тебе эту трость в жопу засуну! – Степана была нервная дрожь, он сто раз уже пожалел, что пришел сюда, но твердо решил найти свои документы.

Обыск кабинета ничего не дал, никаких деловых документов тут не было, впрочем, и беглый осмотр квартиры тоже ничего не дал – ничего похожего на подписанное заявление об аренде в квартире не нашлось... зато нашлось много чего другого: несколько костюмов в стиле садо-мазо, пакет с белым порошком, целая гирлянда использованных презервативов, висящая на люстре и россыпь цветных фотографий, валяющихся на столе, рядом с принтером и ноутбуком. Содержание фотографий вызвало у Степана рвотные порывы – на них были запечатлены Колбаскин и загорелый атлет в самых разных позах, говорящих о нетрадиционной ориентации обоих.

– Ты, кто такой?! – раздался бешенный рев Колбаскина, который шатаясь из стороны в сторону, выбежал из коридора и бросился с кулаками на Степан. – Я тебя сейчас убью!

Честно говоря, Степа не выглядел бойцом, ростом он особо не вышел, едва дотягивал до метр семьдесят, весу в нем тоже было, кот наплакал – чуть больше семидесяти килограмм, да и выражения лица было чаще всего сонное или задумчивое. Но на самом деле, наш Степка Левченко, свой первый разряд по боксу получил еще в двенадцать лет, а спортивную карьеру закончил в двадцать два, имея разряд мастера спорта по боксу и самбо, а если еще учесть службу в армии, где он служил в каких-то там засекреченных войсках, то можно сказать, что пьяный чиновник, кидаясь с кулаками, был, мягко говоря, не прав!

Степан сделал шаг в сторону, пропуская мимо себя разъяренного голого носорога, и в самый последний момент подцепил его ногу набалдашником трости. Колбаскин потеряв равновесие, пролетел несколько метров в воздухе, смешно махая руками, как будто пытаясь преодолеть земное притяжение и взлететь, и упал на столик, где стоял ноутбук и принтер. Повторный громкий грохот возвестил, что мебель и оргтехника, приказали долго жить!

– И-яя! – раздался громкий визг из коридора.

Степан медленно развернулся на визг, параллельно держа боковым зрением барахтавшегося среди обломков ДСП Колбаскина.

В дверном проеме стоял в боевой стойке давешний атлет, из одежды он успел натянуть только узкие стринги леопардовой расцветки.

– Предупреждаю, что у меня дан по айкидо! – гневно закричал крепыш, вскидывая руки, так, чтобы раскрытые ладони оказались на уровне глаз. – Я владею бесконтактным боем!

Хрясь! – тяжелая трость пролетела три пять метров и с громким треском врезалась набалдашником в корпус доморощенного «Стивена Сигала». Качок в очередной раз согнулся и издал пороссячий визг, повалился на пол. Вот тебе настоящая бесконтактная боевая система! А то все: айкидо, да айкидо! Тяжелая палка – вот наше все!

– Колбаскин, слушай сюда! – Степан понимал, что если останется в этой квартире еще хоть пять минут, то рискует навешать на себя несколько уголовных статей. – Ты сейчас звонишь в исполком и договариваешься за меня. Мол, завтра подойдет Степан Левченко, надо решить его вопрос. Понятно? А если ты этого не сделаешь, то я позвоню журналистам из «Крым-Новын» и они устроят тебе знатную фотосессию, ты же знаешь, как они любят вашего брата? Ну, что звонишь?

– Да-а! – гнусаво проблеял чиновник. Колбаскин умудрился при падении расквасить себе нос. – Сейчас только телефон найду.

Через несколько минут Колбаскин созвонился с какой-то Мариной и объяснил ей, что от неё требуется. Видимо на том конце провода не сразу поняли, что хочет пьяный чиновник, потому что Колбаскин еще минут десять орал, как потерпевший, грозя всевозможными карами и угрозами.

– Завтра подойдете в десять утра, в кабинет сорок три, спросите Марину Александровну, она вам поможет, – произнес Колбаскин, после того, как закончил разговор. При этом его глаза сверкали такой яростью и жаждой расправы, что было понятно, он так этого не оставит.

Степан не обратил внимания на этот взгляд, а лишь демонстративно взял пару фотографий с пола и многообещающе засунул их в карман.

– На всякий случай, если вы господин пидор, захотите мстить, – произнес Степан, выходя из комнаты.

Колбаскин растерянно всплеснул руками, и принялся ползать по полу, собирая оставшиеся фотоснимки.

Что делать дальше Степан не знал. Еще утром, он планировал забрать подписанные документы, и, съездив в транспортную компанию нанять машину для перевозки оборудования, чтобы сразу его завести в арендованное помещение, а так придется ждать до завтра, заплатив пеню за хранение груза на складе транспортной компании. Хоть, там и пеня была копеечной, но все равно неприятно. Все складывалось очень и очень плохо, даже если завтра в исполкоме, пройдет все гладко, то самый быстрый срок, в который он успеет собрать нужные подписи – неделя. А это значит, что он потеряет время, которое, как известно стоит денег, а его случаи, когда надо платить проценты по четырем кредитам, время получалось очень дорогим.

Достав из кармана мобильный телефон, Степан увидел, что на экране горит значок пришедшей СМСки: «Родила. Дочь. 3600. 54см. Назвали – Света. Приходи в шесть, не забудь шуруповерт». Ага! Это значит, что лучший друг Степана – Вовка Словник, по кличке Слон, сегодня стал отцом. Степан, быстро набрал ответное сообщение: «Поздравляю, папаша! Поцелуй от меня жену и дочь. Обязательно приду».

Степан и Вовка дружили с детского садика, то есть если им сейчас по тридцать пять лет, то выходит, что их дружбе уже тридцать лет. Правда, со стороны они выглядели, как две абсолютные противоположности: Владимир, в отличие от Степана, до двух метров не дотягивал всего два сантиметра, а весил почти в два раза тяжелее, боксом и самбо они занимались оба, но Вова закончил свою спортивную карьеру кандидатом в мастера спорта по боксу и мастером спорта по самбо. Слишком уж, медленным и неповоротливым был Слон для бокса, а вот для борьбы в самый раз. Да и по жизни они пошли разными дорогами, если Степан сразу же после службы в армии ударился в коммерцию, то Словник, пошел в органы внутренних дел и прошел путь от рядового патрульного, до капитана специального подразделения «Беркут». Ну, а уж за характеры даже говорить не приходилось, Владимир, хоть и был сотрудником силового подразделения, но человеком по натуре был мягким и отзывчивым, что чаще всего и характеризует больших и сильных людей, а вот, Степан, видимо компенсируя свои незавидные габариты, наоборот был напористым, резким и жестоким. Но, самое удивительное, что внешне все выглядело наоборот: как уже говорилось выше, выражение лица Степки, чаще всего было сонным и задумчивым, а вот у Слона, наоборот, его фотографией можно было пугать детей – настолько кровожадным злодеем выглядел здоровяк.

Степан мысленно произвел подсчет своих финансов и понял, что вполне может выделить несколько сотен гривен на подарок новоиспеченным родителям. Поскольку сам Степан был уже дважды родителем, то прекрасно понимал, что лучший подарок – это расходные материалы и деньги. Под расходными материалами, конечно же, подразумевались одноразовые подгузники и крема по уходу за кожей. Уж чего, чего, а этого никогда много не бывает.

В дверь квартиры Слона, Степан позвонил за пятнадцать минут до назначенного времени, подумавшись, что немного раньше...тут как в старой пословице: раньше сядем – больше выпьем!

– Здорово, Слоняра! Поздравляю тебя с рождением дочери, надеюсь, что фигурой и внешностью, она будет вылитая мать! – широко улыбаясь, произнес Степан, когда дверь открылась.

– Сам дурак! – радостно склалась, ответил Владимир. – Молодец, что раньше пришел, сможешь мне собрать кровать, а то скоро парни придут, и не успею. Шуруповерт захватил?

– Обижаешь, мой огромный друг, конечно, захватил, – Степан продемонстрировал пластиковый кейс, а потом протянул большой пакет другу. – Держи, это вам. Тут подгузники: единичка и двойка, ну и так, по мелочи: крема, присыпки и шампуни всякие.

– Спасибо. А, зачем подгузников два вида?

– Понимаешь, мой хоботообразный друг, дети такие странные существа, которые постоянно растут. Заметить не успеешь, как будешь покупать уже «пятерку» и «шестерку». Запомни – подгузники, всегда заканчиваются в самый не подходящий момент, как правило, ночью, когда все магазины уже закрыты. Поэтому, покупая новую пачку подгузников, вытаскивай из неё несколько штук и прячь их подальше. Этот фокус выручит в самый трудный момент. Уж, я как отец двоих детей, знаю это не понаслышке.

– А зачем надо прятать несколько подгузников? – озадаченно спросил Владимир, принимая пакет из рук друга. – Одного, что мало?

– Слоняра, делай, как говорят мудрые и опытные отцы. Сам потом поймешь, что я был прав, – отодвигая друга в сторону, сказал Степан, проходя в комнату. – Если ты на ребенка надел последний подгузник, то он обязательно, тут же в него настрет! Это аксиома, не требующая доказательства! Поэтому, последнего подгузника всегда должно быть два! Где твоя кровать?

– А, понятно, – уважительно покивав головой, ответил Слон. – А, кровать вон там, но у меня, что-то не получается её собрать, там, то ли деталей не хватает, то ли наоборот, лишние должны остаться.

Все таки, когда человек работает сам на себя, да еще и оборотных средств всегда не хватает, приходится все делать самому, не привлекая наемных рабочих. Именно поэтому Степан, слыл среди своих знакомых мастером на все руки...ну, а как по-другому, если денег, чтобы нанять нормального подсобника никогда нет...все в обороте, да в обороте.

С кроватью разобрались за пятнадцать минут, все было на месте, и лишних деталей не осталось, всего-то надо было просверлить пару дырок, которые забыли сделать на фабрике. Такое часто случается, недаром же есть анекдот, про то, что любую деталь, изготовленную на просторах бывшего «совка» надо обязательно доработать напильником.

А уже через полчаса, в двухкомнатную квартиру капитан «Беркута» Владимира Словника, завалилась целая компания его сослуживцев, спешащих поздравить новоиспеченного отца. В квартире сразу стало как-то тесно, хоть пришедших было не больше десятка, но все они были парни богатырской наружности.

В целом вечер прошел очень весело и дружно, компания была старая и все хорошо знали друг друга, а Степан, хоть к органам и не имел никого отношения, но чужаком здесь не был. Единственное, что портило вечер, это постоянные разговоры о политике. В Киеве разгорался очередной политический кризис, который уже перерос в противостояние на Майдане. Слон утверждал, что, скорее всего, если до Нового года ничего не изменится, их отряд перекинут в Киев.

– Степка, тебя Ёж искал, говорит, звонит тебе звонит, а ты трубку не берешь, – сказал Слон, когда все разошлись и они остались со Степаном вдвоем. – У него номер другой, «киевстаровский», в конце три шестерки.

– А, так это он мне наяривал последние три дня? – посмотрев в списке непринятых вызовов, задумчиво произнес Степан. – А, я думал банки, вот и не брал трубку.

– Как у тебя, кстати, с кредитами, разобрался?

– Не рви душу! – нахмурился Левченко, напоминая о кредитах и банках, враз испортило настроение. – Надоело все! Сегодня в исполкоме кинули, вот пойду завтра разбираться,

если не получится договорится об аренде, то попаду на приличные деньги, и тогда, будет проще застрелиться, чем возвращать кредиты.

– Слушай, а как у тебя получилось, взять, аж четыре кредита сразу. Они ведь, должны проверять и не давать больше одного кредита.

– Ой, я тебя умоляю, кто там проверяет? Вся их проверка сводится только к тому, что они заглядывают в открытую базу кредитных историй и если твоя фамилия не внесена в «черный список», то, скорее всего, что кредит тебе дадут. Мне же дали... четыре раза подряд.

– Не знаю, я как-то привык жить без кредитов, и всем доволен.

– Ты у нас молодец, ну а я, сам же знаешь, не могу без риска и острых ощущений. Просто последние два года были очень неудачными, вот и пришлось нахапаться кредитами, как дурень мыла. Знаешь, как будто залез в паутину, вроде берешь деньги, чтобы вложить в дело и получить прибыль, а она все затягивает и затягивает, работаешь только на одни проценты и выплаты. Еще эта авария и последующие операции подкосили сильно. Честно, даже не знаю, что должно произойти, чтобы переломить ситуацию. Клад может найти.

– Ну, а жена, что?

– Да, что жена. Как банки начали звонить и угрожать, сразу же забрала детей, и уехала к маме. Потом квартиру продали. Все боялась, что банки её заберут. Так, что я теперь официально разведенный и без жилой площади. Брать у меня нечего, а это значит, что банкам обломилось!

– Ничего, ты же мудрый, как сова, что-нибудь придумаешь.

– Это, да. Ладно, давай папаша, удачи тебе. Пошел я домой спать.

Жил Степан в съемной однокомнатной квартире, расположенной в другом районе города. Общественный транспорт еще ходил, поэтому уже через полчаса, Левченко зашел в свою холостяцкую берлогу. Заселился сюда Степан месяц назад, но так за это время и не разобрал свои вещи – десяток картонных коробок стоял вдоль стены. В коробках было все, что он взял себе после развода: личные вещи, книги, ноутбук, диски, несколько комплектов камуфляжа, боксерский мешок, перчатки. Распечатаны были только ноутбук и коробка с вещами.

Приняв душ, Степан вяло просмотрел информационную ленту на экране ноутбука – ничего интересного не было, в Киеве по-прежнему продолжали митинговать сторонники евроинтеграции, им оппонировали приверженцы анти-майдана... короче, как всегда в нашей стране – вялотекущие разброд и шатания, когда власть не может применить силу, потому что боится порицаний демократической общественности, а оппозиция грызется между собой не зная кого назначить единым лидером. Для себя Степан так и не решил, за кого он. За – евроинтеграцию или за – таможенный союз... лично ему, было сугубо плевать, куда вступит Украина, для себя он давно решил, что ничего хорошего не будет в любом случае, потому что, нельзя быть одновременно хорошим для всех, в любом случае, кто-нибудь да обидится. Единственное, что, так вроде как юг Украины, а особенно Крым, поддерживал тесные связи с Российской Федерацией, поэтому, наверное, таможенный союз – был предпочтительнее. Но на самом деле, Степан не вникал, какие плюсы или минусы несет в себе евроинтеграция или вступление в таможенный союз. Раз, с экранов телевизора и на улицах твердят, что восток и юг Украины, за таможенный союз, значит, будем за таможенный союз... нам татарам, лишь бы даром, а там, наступать – бежать, и отступать – бежать! Одно, Степан знал четко – не в жизнь бы, не поехал в Киев митинговать на майдане или анти-майдане. На фиг надо?! Мерзнуть на морозе слушая политический придурков, вещающих со сцены, какие они патриоты родины, а на самом деле, все политики считают свой народ быдлом, которое надо держать в постоянном тонусе, чтобы оно лучше доились. Долгие годы в коммерции научили его, что кто бы, не пришел к власти, а коррупция и взяточничество будет процветать пышным цветом, и никак это не искоренить. Единственное различие это масштабы и подход к взяткам. Одни ничуть не стесняются и ставят это на поток, как было в родном городе Степана, местный мэр, так хорошо организовал взаимо-

действие предпринимателей города и исполкома, что получился отлаженный конвейер, когда одни несут пухлые конверты, а другие, ничуть не стесняясь, берут их, с таким видом, как будто делают очень большое одолжения. Несколько раз Степан участвовал в государственных тендерах по закупке товаров, и поэтому он был в курсе, размеров «откатов», которые закладывались в стоимость товара. Откаты составляли от тридцати до пятидесяти процентов, рыночной стоимости товаров, то есть получалось, что каждый год, чиновники воровали из казны страны примерно треть выделяемых на государственные закупки денег. Если перевести это в твердую американскую валюту, то эта сумма колебалась от двадцати до сорок миллиардов долларов год. Не хило?! До сорока миллиардов год, украинские чиновники клали себе в карман. И это на всех абсолютно уровнях! От мэра задрипаного Мухосранска и Передрыщинска, до самого главного пахана вся Украина – президента. Так, что если убрать фактор коррупции, то можно м один миг отказаться от всех займов, кредитов и траншей – Украина сама может себя прокормить!

Степан так и уснул, не выключив ноутбук.

Глава 2.

Новый день начался, как и многие дни до этого – с неприятности. В шесть утра позвонил мобильный телефон. Степан, вяло матерясь себе под нос, прошлепал на кухню, и посмотрел на экран телефона – звонил Ёж, в конце номера были те самые три шестерки, о которых говорил Слон.

– Ёж, шесть утра, если это не что-то срочное и важное, то я тебя прокляну и пойду в церковь поставлю свечку за твой «упокой», – сварливо произнес Степан, в трубку телефона.

– Удав, наконец, ты поднял трубку, я уже все пальцы стер, набирая твой номер, – не обратив внимания на угрозы, прокричал Ёж. – Ну, конечно же, у меня к тебе важное дело. Как у тебя с работой?

– Хреново, – коротко ответил Степан, включая электрический чайник.

Ёж – это старая, еще школьная кличка, друга Слона и Степана. На самом деле, Ёжа звали – Борис Иванеж, его отец был то ли поляком, то ли сербом. Мать Ёжа переехала в Крым из Западной Украины, после развода с мужем. Вовка Словник, Степан Левченко и Борис Иванеж – были друзьями еще со школьной скамьи. Борис был самым деловым в их классе, коммерческая жилка проснулась у него еще в седьмом классе, когда у них, в очередной раз поменялась классный руководитель, и на руководство класса, поставили двадцати двух летнюю выпускницу педагогического института. Девчонка не справлялась и поэтому часть обязанностей переложила на старосту класса – Ёжа. Ну, а Борька не растерялся и «замутил схему» на школьных обедах и завтраках: он вел двойную бухгалтерию, в одной тетради были указаны цены на одно меню, а в другой тетради цены на другое меню, то есть, к примеру, во вторник, седьмой «Б» ел на обед: гороховый суп, рыбу с гречкой и чай, а по документам получалось, что класс отобедал: борщом, отбивной с пюре и какао. Разница в цене составила – двенадцать копеек, значит с двадцати учеников, которые питались платно, получалось два рубля сорок копеек. Ну, а поскольку на дворе стоял – последний год перед развалом Союза, то два рубля сорок копеек в день – это был вполне приличный заработок. Правда, долго Ежу не получилось быть подпольным миллионером – классуха в очередной раз поменялась, и доходная лавочка предприимчивого семиклассника накрылась медным тазом.

Примерно семь лет назад, Борька перебрался в Киев, где и обосновался. На родину, в Крым он приезжал редко, поэтому было очень странно, что Ёж так напористо ищет встречи со Степаном.

– Я слышал, что ты развелся, попал на деньги и сейчас бедствуешь? – осторожно спросил Ёж.

– И откуда, интересно, ты все знаешь?

– Ну, так на страничке твоей жены в «Однокашники», есть фотографии и душещипательные истории. А, ты, что не в курсе?

Степан, честно говоря, был в этом плане жутко не современным человеком, он страсть как не любил социальные сети. . . не понимал, как можно выворачивать себя наружу, показывая всему миру все самое сокровенное, они даже с женой, которая целые дни напролет проводила в общении с виртуальными друзьями, из-за этого частенько ругались.

– Нет, не в курсе. Я не ходок в «Однокашники» и прочие «контакты».

– Ну и дурак!

– Сам такой!

– Ладно, Удав, не злись. Короче, есть тема! Хочешь получать в месяц две штуки баксов? Проживание, питание и обмундирование, за счет встречающей стороны. Оплата ежедневная.

– Хочу. Где работать? Крайний Север или дальше зарубежье?

– Не угадал. Киев!

– На Майдане, что ли стоять?

– Ага. Но не совсем, скажем так около Майдана. И не стоять, а работать, вроде как экспедитором.

– Ёж, честно говоря, я не поддерживаю «майдануток». Я против вступления в ЕС. Так, что извини, тем более, что у меня тут самого одна «темка» наклеивается.

– Удав, ты не спеши отказываться. Подумай пару дней. Я не предлагаю тебе стоять на морозе и кричать – «Слава Украине – героям слава!». Я предлагаю тебе войти в бизнес-проект, который может принести охринительные дивиденды. Я каждый пью кофе и ручкаюсь не меньше чем с полусотней депутатов Верховной Рады. А значит когда они победят, то вспомнят, к с ними пил кофе и курил на морозе. Понимаешь? Перспективы!

– Хорошо, Ёж. Я подумаю, – произнес Степан, нажимая на кнопку сброса.

Значит Ёж, зараза такая, горлопанит на Майдане, хотя зная этого проныру и прохвоста, Степан был уверен, что Борька Иванеж, скорее всего, присосался к какому-нибудь финансовому потоку и тянет оттуда потихоньку денежки. А, Степан ему сейчас нужен только для того, чтобы расширить сферу деятельности, видимо одному много не наворуешь, вот и ищет пособника.

Понимая, что больше не уснет, Степан нацепил на себя старенькую затасканную до заплат «афганку» и зимние кроссовки, налив в небольшой термос крепкий кофе, он вышел на улицу, для утренней пробежки.

Хорошо, все-таки жить в Крыму – на дворе декабрь месяц, а на улице теплынь, плюс десять. Погода стояла тихая и безветренная, солнце уже поднялось из-за горизонта – самое время пробежаться пару километров по аллеям и дорожкам, ближайшего парка.

К зданию исполкома, Степан подошел за пять минут до назначенного срока, слишком рано приходить не стоило, но и опаздывать нельзя.

Кабинет номер сорок три, располагался на втором этаже, и на двери висела табличка, сообщающая всем, что Жарихина Марина Александровна – начальник отдела коммунальной собственности.

– Здравствуйте, мне на десять утра назначено. Я, от Колбаскина, – произнес Степан, входя в приемную кабинета.

– Ждите, – не поднимая глаз, от экрана монитора, буркнула секретарша.

Степан послушно сел на придвинутый к стене стул и замер в ожидании. В приемную постоянно заходили сотрудники исполкома, некоторые сразу шли в кабинет, другие задерживались в приемной. Степан просидел больше часа, терпеливо ожидая, когда на него обратят внимание. Примерно в половину двенадцатого, когда поток посетителей иссяк, секретарша, сообщила, что еще немного и Степана примут. Когда часы показывали 11.50, дверь кабинета открылась и Жарихина Марина Александровна выплыла из своего логова. Выглядела началь-

ница отдела коммунальной собственности монументально – дородная, с высокой прической аля семидесятые, обвешанная золотом, как новогодняя елка, женщина, габаритами не уступавшая авианосцу.

– Марина Александровна, вас человек уже два часа ждет. От Колбаскина, – подала голос секретарша.

– Пусть еще немного подождет, у меня обед, – высокомерно ответила матрона.

– Марина Александровна, а может, все-таки уделите мне несколько минут, – Степан решительно встал со стула, перегораживая «авианосцу» путь к двери. – Вам же звонил вчера господин Колбаскин. Вы только скажите, что мне дальше делать и как получить в аренду нужное помещение.

– Молодой человек, куда вы так спешите. Приходите в понедельник или вторник. Поговорим, разберемся, – напирая своим безразмерным бюстом на Степана, произнесла госпожа Жарихина.

– У меня оборудование простаивает на складе перевозчика, за каждый день простоя, я плачу штраф. Понимаете, господин Колбаскин взял у меня определенную сумму денег, обещая, что еще вчера я смогу въехать в требуемое мне помещение. Я специально под этот срок и заказал доставку груза. А, Колбаскин меня подвел.

– Молодой человек, давайте выйдем в коридор, – с ненавистью в голосе, выкрикнула чиновница, толкая своими телесами Степана в грудь и выталкивая его за дверь.

– Вы, что с ума сошли, при секретарше говоря о взятке?! – понизив голос до свистящего шепота, прошипела матрона. – Забудьте о Колбаскине и тех деньгах, что вы ему дали. Нет их больше. Понятно?

– И что же мне тогда делать?

– Начать все с самого начала. Пишите заявление на имя балансодержателя нужного вам помещения, после того как вам его подпишут, приносите его к нам в исполком и отдаете в общий отдел, они его передадут мэру на подпись, после того, как он его подпишет, ваше заявление будет рассматриваться на ближайшей сессии городского совета, после того, как они его утвердят, вы должны будете дать объявление в газету, что такое то, помещение сдается в аренду, и мы должны будем провести аукцион между всеми желающими, конечно, если никто не изъявит желаний, то вы автоматически побеждаете, – глубоко вздохнув, и переведя дыхание, продолжила чиновница: – Потом вы нанимаете оценщика, который оценит стоимость помещения, из этого расчета мы вычислим арендную плату, которую будем с вас взимать. Ну и в конце, если, все пройдет успешно, вы внесете единоразовую материальную помощь городу, потом к вам подъедут наши специалисты, которые и определяют ежемесячную помощь городу, да и не забывайте, о помощи городу, перед каждым государственным праздником.

– А разве, того, что я буду платить аренду в городскую казну не достаточно?

– Молодой человек, вы, что против того, чтобы помочь родному городу?

– Нет, я конечно, не против помочь родному городу...единоразово. Но, согласитесь, что это как-то не логично. Я беру в аренду не жилое, убитое в хлам помещение. Восстанавливаю его за свой счет, создаю там рабочие места, плачу заработную плату, плачу налоги, плачу аренду. И не смотря на все это, я должен платить ежемесячную дань городу. Так, что ли? Я уже молчу, о том, что для того чтобы пройти все те этапы, о которых вы говорите, мне понадобится несколько месяцев. Вы это понимаете?!

– Послушай, ты, придурок, что ты несешь? Какая на фуй логика? – вскрикнула жирная чиновница, от ярости у неё затряслись складки на шее. – Ты, кто? Ты – предприниматель, а это значит, что должен платить. Платить! Понял?! Не хочешь платить, иди работай на завод!

– Уважаемая, а вам никто не говорил, что высота занимаемого поста не влияет на траекторию полета пули? – когда Степан впадал в ярость, его лицо приобретало монументальное

спокойствие и благодущие. Именно за эту особенность его и прозвали – Удавом. Есть еще такая пословица – «спокойный как удав».

– Ты, что мне угрожаешь?! – гневно выкрикнула матрона, вскидывая руку, чтобы ответить оплеуху.

Взмах короткой, жирной руки, был настолько медленным и вальяжным, что опытному боксеру Левченко, не стоило никакого труда уйти от удара, но он не стал этого делать, а всего лишь вскинул руку, ставя жесткий блок.

Шлеп! – пухлая, потная женская ладошка, встретилась с жилистой мужской рукой. Хоть удар был и не особо сильным, но не привыкшая к подобному обращению дама, взвизгнула от боли и громко запричитала.

– А-ай! Помогите, он мне руку сломал! – громко закричала чиновница, зажимая травмированную ладонь. – А-ай! Как больно! Помогите!

Степан развернулся и спокойно пошел прочь по коридору. Он слышал, как за его спиной открылось несколько дверей, и раздался топот ног. Хорошо, еще, что все происходило во время обеденного перерыва и коридоры исполкома были пусты от посетителей. Если бы фортуна была на стороне Степана, то он бы спокойно покинул административное здание, но боги, решили по-другому, впрочем, как и в течение последних двух лет...

Степана нагнали на первом этаже, в десяти метрах от выхода из здания.

– Эй, охрана! Задержите вот этого! – раздался громкий крик с лестничного пролета.

Левченко обернулся и увидел, что к нему бегут двое мужчин. Один высокий, крепкого телосложения с лысой, обритой наголо головой, а второй, низкий и круглый толстячок, похожий на ртутный шарик, такой же быстрый и неутомимый. Обоих, Степан заочно знал, часто видел на экране телевизора и в местной прессе. Оба были заместителями мэра. Впрочем, быть заместителем мэра – не такая уж и редкость, у местного мэра города, было, целых семнадцать заместителей. Представляете?! Вот такой, вот занятой градоначальник, сам не справляется, ему надо аж, семнадцать замов!

Степан послушно замер оглядываясь вокруг. Широкий, просторный холл первого этажа. На стенах висят большие фотографии, изображающие трудовые подвиги градоначальника и его подчиненных: вот он садит деревья, вот капает ямы, а вот вместе с президентом страны, возлагает цветы к памятнику героям Великой войны. В холе никого кроме охранника и дежурного вахтера не было. Охранник – молодой, лопоухий пацан, двадцати лет, у которого даже резиновой палки нет. Вахтер – дядька лет пятидесяти, сейчас активно накручивает диск стационарного телефона, пытаясь вызвать наряд милиции.

Степан, глубоко вдохнув и выдохнув, скольльзящим шагом направился к двери.

– Не дайте ему выйти! – кричали сзади.

Первым на перехват, ринулся вахтер, он так и не успел вызвать милицию по телефону, хотя, по идее, исполком должен был быть оборудован «тревожными кнопками».

– А, ну стоять! – крикнул вахтер, вскидывая руки, пытаясь ухватить Степана за ворот куртки.

Степан легко избежал захвата и ткнул мужика в солнечное сплетение, двумя пальцами. Вахтер, громко вскрикнул и, схватившись за грудь, мешком повалился на пол.

Следующим попытался задержать беглеца милиционер. Молодой парень, высоко вскидывая ноги обутые в тяжелые «берцы», подпрыгнул к Степану, перегораживая ему путь к двери. Левченко не стал бить парня, находящегося при исполнении, а лишь сделал ему подножку, когда тот приблизился совсем близко. Охранник, громко икнув, не удержал равновесие и растянулся на полу. 2:0!

В здание исполкома вели двойные двери, стоящие друг от друга на расстоянии трех метров, образуя тем самым небольшой коридорчик. Степан успел схватить дверную ручку как раз в тот момент, когда оба заместителя мэра были уже рядом. Тот, что повыше, ухватил Левченко,

за ворот куртки дергая его на себя, а второй, низкий и круглый, попытался оббежать Степана и схватить его за руку. Но, заранее расстегнутая молния на куртки позволила вырваться из захвата, оставив лысого заместителя мэра с курткой в руках. Ну, а дальше, Степан взорвался серией коротких и точных ударов, которые на самом деле, были сделаны в треть силы... все-таки перед ним были не тренированные бойцы на ринге, а всего лишь слуги народа, которые привыкли повелевать и управлять человеческими массами, при этом не сильно заботясь о собственном физическом состоянии. Высокий зам мэра получил два удара в корпус, а низкий толстяк, боковой удар в голову и апперкот в челюсть.

4:0! Полная и безоговорочная победа!

Спокойно выйдя на улицу, Степан свернул налево и, пройдя вдоль фасада административного здания, скрылся в проулке... ну, а дальше, припустил во все лопатки, убегая как можно дальше, прочь от исполкома. Поймал такси и уже через десять минут был на съемной квартире. Времени в обрез, надо взять все самое ценное и бежать из города. То, что он совершил, тянуло на несколько уголовных статей, по которым, можно было легко отправиться «топтать зону» лет на пять. А, этого, сильно не хотелось!

Самое удивительное, что сейчас Степан был весел, он довольно скалился, вспоминая, как его кулаки врезались в тела городских чиновников. Эх, повторить бы еще разок! Свобода! Да, да! Именно свобода! Теперь можно, точно не переживать по поводу аренды помещения и чиновников. Даже по поводу кредитов не следует нервничать. Толку от этих банковских угроз, если он собрался податься в бега? Что они ему сделают? Ничего! Какой смысл переживать о штрафных санкциях и коллекторских конторах, когда тебе угрожает уголовное наказание? Надо лишь вырваться из города, да пересидеть в безопасности пару месяцев. Неожиданно все встало на свои места: есть цель и есть способы её достижения, надо лишь выбрать нужный вариант.

Достав из коробок сложенные сумки, Степан упаковал в них, все самое, по его мнению ценное. Переодевшись в походный вариант одежды, Степан на прощание осмотрел квартиру и вышел вон.

Через три часа, наняв «частника», Левченко добрался до столицы Крыма – Симферополя. Родной город он покинул в совершенно спокойном и даже немного приподнятом настроении, как будто уезжал на отдых в отпуск. На железнодорожном вокзале Симферополя, Степан, купил сотовый телефон, вместо старого, который выкинул по пути.

– Алло, Ёж? – спросил Степан, когда на том конце провода раздался удивленный возглас друга. – Это Удав, теперь это мой новый номер телефона. Ну, что тебе еще нужен пособник для разворовывания революционных денег?

– Удав! Чертыка старый, ну конечно, нужен пособник! Только ты так не шути больше, революция не терпит подобного! Когда приедешь?

– Завтра вечером. Я на жэдэ вокзале в Симфере. Билет еще не покупал, но думаю, проблем не будет. Только учти, что, скорее всего, меня объявят в розыск, я немного с местными чиновниками повздорил и от избытка чувств начистил пару харь!

– Ничего себе?! Узнаю старого друга! Как только купишь билет, скинь СМСкой номер вагона и поезда. Тебя встретят, за остальное не беспокойся, на самом деле все складывается даже лучше, чем я предполагал – не возникнет проблем с твоей легализацией здесь. Встретим тебя как национального героя. За, что хоть чиновникам хари начистил?

– За дело. Не фиг было обзывать меня быдлом и кидаться с кулаками!

– Ух, ты! Молодчага! Я сейчас тебе скину СМСку, в которой будет логин и пароль электронного ящика, обязательно до посадки в поезд распечатай документ, который там висит. В дороге вызубри от корки до корки. Это очень важно! Запомнил?

– Запомнил.

– Тебе деньги нужны или как?

– Нет, на дорогу денег хватит.

– Ну и отлично, давай удачи и легкой дороги! – Ёж отключился, а Степан облегченно перевел дух.

Левченко, хоть и знал, что школьный приятель не подведет, но в глубине души, все равно переживал, все-таки связываться с преступником, находящимся в розыске не каждый захочет. Теперь надо купить билет, еду в дорогу... и позвонить Слопу.

– У аппарата! – прогрехотал голос Вовки Словника в динамике телефона.

– Здорово, хоботообразный! Как дела?

– Удав, гад ты ползучий, ты хоть понимаешь, что учудил?

– Подумаешь, отвесил пару затрещин слугам народа, делов то.

– Ага, щас, пару затрещин! Тебя разыскивают, как человека пытавшегося устроить теракт в здании исполкома. И только благодаря личному вмешательству мэра города, удалось отбить атаку вооруженного до зубов террориста!

– ЧЕГО?! Какой нах мэр города? Его там даже близко не было? Был охранник, вахтер и два чиновника! Что за бред?

– Вот такой бред! Ты где?

– В Симфере, беру билет до Киева, Ёж, сказал, что укроет меня там.

– Молодец! Смотри не попадись, я постараюсь сделать так, чтобы думали, что ты еще в городе. Пока тебя ищут вяло, надеюсь, что все так и останется. Исполком не афиширует того, что произошло... бояться, что в городе тебя поднимут на знамена!

– Слоняра, а зачем они выставили все в таком свете? Какой из меня террорист?

– Всплыли фотографии, где ты военной форме с черным флагом за спиной, ну помнишь, в прошлом году, когда мы реконструкцию ваяли с пацанами из России. Вот, на основании этих фотографий и слепили легенду, о том, что ты – лидер террористического подполья в нашем городе!

– Евпатий ты коловрат! – в сердцах воскликнул Степан.

Такого поворота событий он не ожидал. Одно дело, когда тебя ищут как обычного хулигана и бузотера, и совсем другое дело, когда твою особу расценивают как террориста... тут и СБУ могут подключить, а эти волкодавы везде найдут.

– Ладно, Степка не вешай нос, где наша не пропадала?! В 2008 году ты ведь в Цхинвале выжил и сейчас выживешь. Хотя, конечно стоит признать, что косяк ты упорол конкретный. Это ж надо было избить двух замов городского мэра. И чем только думал?!

– Головой думал! Надоели эти слуги народа, скажи спасибо, что был обеденный перерыв, а то бы я там натуральную бойню устроил!

– Спасибо тебе, благодетель, что всего лишь четверых человек избил!

– Давай, держись там. Как на новом месте обустроюсь, отзвонюсь, – сказал на прощание Степан и выключил телефон.

Оставшиеся на карте деньги Степан снял в ближайшем банкомате. Купил билет на поезд «Севастополь – Киев», бутылку коньяка, набор дорожной еды и несколько sim-карт разных операторов. Поскольку до отправления поезда оставалось еще два часа, Степан зашел в vip-зал ожидания и воспользовался их компьютером. На почтовом ящике, чей адрес пришел в СМС сообщении от Ёжа был всего один файл – несколько печатных листов, распечатав их, Степан углубился в чтение:

«Удав, если ты читаешь этот текст, значит, ты согласился приехать в Киев на Майдан. Молодец! Постарайся прочитать этот текст, так, чтобы рядом никого не было, после прочтения уничтожь листы. Запомни все, что здесь написано и отнесись к этому очень серьезно, возможно, что это спасет твою и мою жизнь. При встрече, я тебе все лично объясню, но первый, ко мне с вопросами не приставай, слишком много здесь лишних ушей... никому доверять нельзя.»

Чтобы выжить на Майдане, нужно запомнить несколько простых правил:

Если рядом услышал выкрик: «Слава Украине!», тут же кричи: «Героям слава!». Очень часто именно так вычисляют несогласных с действиями Майдана. В противном случае могут побить!

Никогда не называй Майдан – ЕвроМайданом. За это могут побить! Люди, которые СЕЙЧАС стоят на Майдане, находятся здесь не ради вступления в ЕС. Сейчас люди протестуют против нынешней власти. Против чиновников, против Януковича, против коррупции! Запомни, это очень важно! Никогда и не при каких обстоятельствах, даже в шутку не высказывай своей любви в нынешней власти и партии Регионов.

Запомни: Майдан – это не единый организм. Майдан – множество различных партий, отрядов, групп, а порой и банд, которые очень часто враждуют друг с другом. А нынешних лидеров оппозиции – Кличко, Яценюк и Тягнибок – никто не воспринимает в серьез. Сейчас Майданом правят командиры отрядов самообороны. Фактически здесь царит анархия и право сильного! Поэтому не отходи и не приставай с расспросами к тем, кто тебя встретит ж/д вокзале в Киеве.

Ты хоть и знатный боец, но на рожон никогда не лезь...на Майдане у многих травмы, переделанные газовики, «флоберы» и даже огнестрелы. Пристреляют на раз!

Это очень важно! На Майдане работает служба внутренней финансовой безопасности, которая призвана выявлять тех, кто ворует деньги! Особых расследований здесь не проводят, если на нас поддет, хоть малейшее подозрение, то могут и убить. Особенно не откровенничай с девушками, они хоть на вид все такие «божие одуванчики» и «целки не ломанные», но ты даже не заметишь, как тебя сдадут, а потом эта же барышня, плоскогубцами тебе все ногти на пальцах повырывают.

Никогда не называй людей на Майдане – бандеровцами и бандерлогами. За это могут и побить! Истинных приверженцев дела Степана Бандеры здесь не так уж и много, хоть по телевизору и показывают обратное, но они есть и у них хорошо организованные и подготовленные БОЕВЫЕ отряды.

Никогда не называй людей на Майдане – западенцами. Здесь выходцев из Западной Украины большая часть, но они почему то не любят когда их называют – западенцами. За это могут и побить!

Без разрешения никогда не фотографируй и не снимай людей на камеру. За это могут побить!

Запомни, как «Отче наш», номер отряда (сотни) в которой ты будешь числиться и ФИО командира сотни и десятка. В случае разборок, в первую очередь, нужно представляться: из какой ты сотни и кто твой командир. Одному по территории Майдана лучше не ходить.

Свободно говори по-русски, здесь половина русскоязычных. Но, будь очень бдителен, вокруг Майдана постоянно находится большое количество аферистов и провокаторов. Никогда и ни с кем не общайся, предварительно не посоветовавшись со мной.

Когда поживешь здесь пару дней, сам во всем разберешься. Все, что выше написано, краткая инструкция, на тот случай если нам не удастся в первые дни, с тобой остаться наедине для разговора. По поводу схемы совместной работы, я сам начну разговор, когда посчитаю нужным. Для всех, ты мой знакомый по интернет переписке, и вживую мы никогда не виделись. Запомни, это очень важно! Здесь куриться столько бабла, сколько ты никогда не видел в жизни...нам никак нельзя упустить такой шанс, хрена с два, еще раз кто-нибудь захочет впилить в Украинскую оппозицию столько денег. Поэтому действовать нам надо, как разведчикам в стане врага. Конспирация и скрытность!

Удачи и до встречи!»

Прочитав послание несколько раз, Степан порвал листы на множество мелких кусочков и выбросил в урну. Прочитанное заставило задуматься. Честно говоря, Степан Левченко, всегда был аполитичным человеком, он не ходил на выборы и не следил за политическими изменениями в стране. Ему это было, просто не интересно, хотя, очень многие его знакомые и друзья этому удивлялись. Ну, не интересно ему было, кто там сейчас в стране президент или премьер-министр. Все его знания о событиях в Киеве были поверхностными и обрывочными, они складывались из обрывком новостей и случайно услышанных разговоров, тем более, что постоянные проблемы и неудачи, преследующие его в последние два года не давали особой возможности следить еще и за политикой. Нет, конечно, Степан слышал, что сейчас в Киеве политический кризис – страна раскололась на две части: одни хотят, чтобы Украина вступила в Европейский Союз, а другие, за вступление в таможенный Союз. И вроде, как те, кто стоят на Майдане, представители оппозиционных партий: «Удар», «Батькивщина», «Свобода» и т.п. – за вступление в ЕС, их даже называют – ЕвроМайданом, ну, а соответственно, те, кто поддерживает нынешнюю власть и президента Януковича, вместе с партией «Регионов», они называют себя – АнтиМайдан.

Вроде бы, все просто и понятно – есть Майдан и антиМайдан, есть оппозиция и власть, есть Западная Украина и Восточная Украина, и т.д.

Ан, нет! Все оказалось намного запутаннее и сложнее, чем казалось ранее. Оказывается не все на Майдане за присоединение в ЕС. Странно?! Степан всегда считал, что именно, не желание Януковича пописывать договор об ассоциации с Евросоюзом и побудило тысячи людей выйти на митинг. Оказывается, что говорить об присоединении к Евросоюзу, опасно для жизни – могут и побить.

Вторым откровением стало, то, что лидеры оппозиции ни хрена не управляют процессами на Майдане. Какие-то сотники, полевые командиры, десятники – как будто речь идет не о мирной акции протеста в самом центре Украины, а о зоне боевых действий где-нибудь в Могадишо или Бейруте.

Путь до Киева занял семнадцать часов, попутчиков не попалось, поэтому бутылка коньяка осталась не тронутой. Все время Степан думал о том, что написал ему Ёж. Написанное, противоречило общедоступной информации, которая поступала из украинских и российских СМИ. К примеру, украинские СМИ утверждали, что люди на Майдане пришли туда исключительно по собственной воле и стоят там не за деньги, а помогают им в этом, едой и одеждой, простые жители Киева, при этом всем заправляет «святая троица оппозиционеров». Но, судя, по словам Ёжа: Майдан – это зона боевых действий, где на самом деле руководят не знаменитые на весь мир личности, а какие-то никому не известные сотники и полевые командиры, коих, при этом массово снабжают деньгами. Ну, а российские СМИ утверждали, что на Майдане стоят исключительно жители Западной Украины, которые считали вселенским злом – «клятых москалей», ну и то, что все «майданутые», спят и видят, когда Украина вступит в Евросоюз. А, со слов, Ёжа, получалось, что большая часть протестантов, говорит по-русски и при этом, за фразу – «ЕвроМайдан», могут дать в рожу. Странно! Просто, взрыв мозга! С экранов телевизора, идет сплошная ложь, причем, российские и украинские телеканалы врут одинаково много, единственное, что их ложь диаметрально противоположна. А это значит, что правда, как всегда, где-то посередине. Мир – не белый или черный, мир – он, зараза, серый!

Глава 3.

– Словник, хватай своих орлов и бегом на выход! В здании исполкома чэпэ! – раздался громкий крик дежурного. – Попытка захвата здания! Полная боевая выкладка!

– Епать ту дусю! – откинув газету с неразгаданным сканвордом в сторону, растерянно произнес Владимир. – Мужчины на выход! Леший, Гвоздь – дуйте в оружейку, получать автоматы. Всем надеть бронники и шлемы! Глаз, проверь, чтобы аккумуляторы в камере были заряженные, а то получится как в прошлый раз – когда на мобильный телефон снимали захват нарков.

– Командир, так в прошлый раз, ты же сам камеру брал на дноху корефана! – застегивая липучки бронника, возразил молодой долговязый боец.

– Разговорчики! Запомни, Глаз, командир по определению не может быть виноватым! Раз камера на тебе числится, то ты и должен проверять уровень заряда аккумуляторов, а кто их разрядил, я или папа римский, это уже не важно, итог один – крайний всегда ты!

Грохот тяжелых ботинок на ребристой подошве, известил посетителей и сотрудников управления внутренних дел, что группа быстрого реагирования отряда милиции специального назначения «Беркут», укладываясь в положенные нормативы, в спешном порядке выдвигалась на экстренный вызов.

Темно-зеленый «УАЗ-хантер», с гербом «Беркута» на бортах, выскочил из внутреннего двора управы, через семь минут после получения вызова. Машине необходимо было проехать всего пару километров, чтобы добраться до здания исполкома.

– Притормозишь на перекрестке! Гвоздь на выход, держишь задний двор исполкома, – приказал Слон.

«УАЗ» взвизгнув тормозами, резко сбросив скорость, затормозил на перекрестке, Гвоздь, хлопнув дверью, резко выпрыгнул наружу и побежал вдоль улицы.

– Давай напрямки, по газонам! – злорадно улыбаясь, Слон вытащил из набедренной кобуры ПМ и передернул затвор. – Остановишься за пару метров до главных дверей – выпустишь нас, а сам дуй в конец улицы, станешь на перекрестке и смотри в оба, может, кто на тебя и выбежит!

– Яволь мой команданте! – водитель вскинул руку, в знаке приветствия кубинский барбудос.

Внедорожник, перескочив через высокий бордюр, помчался по газонам, на которых, не смотря на декабрь, еще сохранилась зеленая трава. Машина еще не успела остановиться до конца, а из дверей уже высыпалась тройка спецназовцев. Первым бежал Слон, чуть в стороне и немного слева, держа в руках АКМС, двигался Леший, самым последним, мчался Глаз, у него в правой руке была зажата небольшая цифровая камера. Словник собрал с бойцов своей группы деньги и купил видеокамеру, на которую теперь записывали все выезды. Проще лишиться пары сотен гривен, чем, после каждого задержания, доказывать, что это не ты подкинул задержанному пакет с «травой» или окровавленный нож.

Возле двухстворчатых дверей, ведущих в исполком, стояло несколько человек, и лениво пинали ногами стеклянное крошево, ковром, лежавшее перед зданием.

– Ну, наконец-то, и года не прошло! – сварливо произнес высокий мужчина с наголо обритой головой. Его шею украшали бинты, а на лице красовалось несколько полосок лейкопластыря. – Вы бы еще дольше ехали, а то террорист устал вас ждать и домой ушел.

– С момента поступления сигнала, прошло девять минут, – демонстративно вскинув руку с часами, строго произнес Слон. – Что здесь произошло?

– Неважно сколько прошло времени с момента вызова. Главное, что вы опоздали! – тоном, не требующим возражений, сказал бритоголовый. – Нападение на орган власти произошло! А вы где-то лазаєте! Бегите террориста ловите! Объявляйте план-перехват, поднимайте людей, военных... действуйте!

– Первый, первый! – поднесся рацию ко рту, Слон вызвал Гвоздя, который в данный момент должен был быть в нескольких десятках метров, позади здания. – Как слышишь меня? Прием!

– Слышу, отлично! Прием!

– Поднимай полк внутренних войск, роту спецназа с собаками и вертолеты. Всех на облаву! – совершенно серьезным голосом, сказал Словник. – Как понял меня? Прием.

– Понял тебя. Сделаем! – таким же серьезным голосом, ответил Гвоздь.

– Облава начата. Теперь можете рассказать, что произошло? – капитан «Беркута» снова обратился к лысому.

– Некто, Степан Левченко, попытался совершить террористический акт в здании исполкома нашего города. Только благодаря личному вмешательству мэра города, удалось предотвратить трагедию. Есть раненные и пострадавшие.

– Как все происходило? – Словник, даже глазом не повел, услышав имя своего лучшего друга: – У него было оружие? С помощью чего он собирался совершить террористический акт?

– У него было оружие...огнестрельное! Револьвер! – с запалом выдал чиновник. – Да, да! Револьвер, вот с такой вот, здоровенной обоймой в рукояти, – бритоголовый широко развел руки в стороны, показывая размеры обоймы, которая судя по всему, могла поспорить с артиллерийским снарядом.

– Обойма в рукояти револьвера?! – хрюкнув от смеха, переспросил Леший. – А, он никакого газа при этом не распылял?

– Почему вы смеетесь? – гневно выкрикнул зам мэра. – Вы должны фиксировать мои показания!

– Сейчас группа следователей по особо важным делам приедет и все зафиксирует, – убедительно проговорил Слон, не заметно показав за спиной кулак Лешему. – А сейчас, давайте мы опросим нашего коллегу, – беркутовец, кивнул головой в сторону лопухого милиционера.

Чиновник, гордо вздернув подбородок, отошел в сторону. Слон пальцем поманил к себе милиционера дежурившего в здании исполкома. Молодой парень нехотя подошел к спецназовцам, голова у милиционера была туго обмотана бинтами.

– Что с головой? – спросил Слон, отведя парня в сторону.

– Травма. Ушиб, возможно сотрясение.

– Слышь, убогий, хорош звиздеть, – резким тоном, обрубил лопухого Владимир. – Колись, что здесь было на самом деле? Только правду, понял?

– Ну...я, как бы, не совсем уполномочен...Ай!

Договорить молодой парень не успел, Слон, схватив его за локоть, сильно нажал пальцами на болевую точку.

– Лопухий, я больше повторять не буду. Говори правду или ты хочешь, чтобы злой и кровожадный «Беркут» записал тебя в личные враги?!

– Отпустите, больно! Я все скажу. Короче, к начальнику отдела коммунальной собственности еще утром пришел этот самый Степан Левченко, он просидел у неё целый день, а потом они поругались, и она хотела его ударить, но он подставил свою руку и у этой толстой жабы, что-то там в кисти хрустнуло. Потом она начала кричать как резанная, Степан это попытался спокойно выйти из здания, но его догнали двое, оба заместители городского головы. Вот! Ну, и, короче, они начали кричать, чтобы мы его задержали! А, он, ну, это парень, значит, стал сопротивляться, и всех побил.

– Как именно побил?

– Лихо так, как в фильмах со Стетхеном в главной роли. Вахтеру, ткнул пальцем в грудь, мне подставил подножку, от которой я поскользнулся и упал на пол, а замам мэра, просто отвесил пару оплеух, причем не особо и сильных, у тех, похоже, даже синяков не будет.

– А откуда бинты, лейкопластырь и разбитые стекла в дверях?

– Это уже потом... позже. На крики спустился мэр и приказал все выставить в таком свете, как будто на нас напал террорист.

– И зачем ему это?

– Не знаю, но Степаныч, это наш вахтер, сказал, что *papa*, таким образом, набивает себе политических очков, сами же понимаете, какие события в стране происходят!

– Охренеть! Ладно, боец, свободен. Запомни, если придут прокурорские или СБУшники, то ничего не подписывай, пока не поговоришь со своим непосредственным начальством. Понял? А лучше всего, давай вали в «управу» и расскажешь, как все было полковнику Зайцеву.

Молодой милиционер радостно улыбнулся, и, зажав форменную фуражку подмышкой, быстрым шагом отправился прочь.

– Эй, а куда это ушел наш охранник? – закричал лысый заместитель мэра.

– В больницу, возможно у него сотрясение мозга, – отмахнулся от назойливого чиновника Слон.

Заместитель мэра обиженно фыркнул и вернулся в здание исполкома, откуда ему призывно махал рукой невысокий молодой парень уже успевший наесть себе пузень вполне приличных размеров.

Словник, достал из кармана куртки мобильный телефон и несколько раз попытался дозвониться до Левченко. Не удалось, телефон друга был выключен. Потом капитан «Беркута» связался с «управой» и доложил дежурному обстоятельства вызова. В ходе переговоров решили, что наряд спецназовцев вернется обратно, а их место займут дознаватели.

Собрав своих подчиненных Слон, приказал возвращаться обратно в отдел. Примерно через час, вернулись опера и следак, которые ездили на вызов в исполком... вернулись с не слишком хорошими новостями – один из сотрудников мэрии, каким-то образом нашел в интернете фотографии с изображением Левченко, где он был изображен в камуфлированной форме, черном берете и на фоне черного флага, с изображением черепа и костей, вокруг, который вилась надпись – «Свобода или смерть!» А, еще в руках Степана был автомат Калашникова. Эти фотографии послужили еще одним доказательством, что Левченко – террорист.

Слон помнил: где и когда были сделаны эти снимки, кстати, на одном из них, вполне, мог быть и он сам, слава богу, что его лицо тогда было закрыто маской. Фотографировал их парень из России, их группа, в которой были сербы, приехали в Крым, на какой-то там патриотический сбор, ну и немного «погоняли» в страйкбол. Автомат в руках Степана – был обычной игрушкой, а точнее моделью масштабно-габаритной, которая в точности копировала АКМ.

Словник понимал, что друга надо спасать, вот только как это сделать он не знал. Действительно, что-то у Левченко, в последние годы было, что-то не то с везеньем, а точнее удача решила обходить его дальней дорогой, иначе и не объяснишь, как можно было обычную словесную перепалку и пару оплеух, перевернуть так, чтобы в итоге получилось обвинение в терроризме, да еще и с такими железобетонными доказательствами.

А еще через час раздался звонок... номер Слону был не известен.

– У аппарата! – произнес Словник, принимая вызов.

– Здорово, хоботообразный! Как дела? – услышал Слон, знакомый голос друга.

Глава 4.

Киев встретил Степана морозом и сильным, пронизывающим до самых костей ветром. Повсюду был лед. Как будто происходили съемки фильма «Послезавтра», в котором, неожиданно наступило резкое похолодание и все замерзло. Так и в Киеве, лед был везде! На столбах, деревьях, асфальте улиц и даже витринах магазинов. Видимо недавно прошел дождь, который тут же замерз.

Степан выходил из вагона самым последним, сделал он это специально, чтобы можно было легко определить, кто его встречает.

Встречающих было двое: молодые парни лет двадцати – двадцати трех, одетые в темно-зеленные куртки а-ля «миллитари», такого же покроя штаны черного цвета и вязаные шапки

– «питерки», судя во внешнему виду, легко раскатывающиеся в маски, с прорезями для глаз. Обычно такие шапки-маски носят сотрудники спецподразделений, и правильно их называть – «балаклавы». Как не трудно догадаться из названия, придумана была это шапка-маска в годы Крымской войны. Правда, тогда её главной задачей было – обезопасить лицо от обморожения, это уже потом, в лихие девяностые, эта шапка-маска стала главным атрибутом спецназа, действия, который так и называли – «маски-шоу», ну еще, и вояки на Северном Кавказе, часто такими пользовались, потому что злобные чечены придерживались законов кровной мести и российским военным приходилось скрывать свои лица, во время проведения «зачисток» в «мирных» селах и аулах.

– Ты, что ли – Степан, по кличке – Удав? – спросил один из встречающих.

– Я, что ли, – коротко ответил Степан, закидывая одну из сумок на плечо. Как он понял, ему никто не собирался помогать с переносом вещей.

– Иди за нами и не отставай.

– Договорились.

Со спины оба парня выглядели как близнецы: одинаково одеты и обуты, даже телосложение и рост схожи. Братьями, они, конечно, не были – черты лица различались. Про себя, Степан их окрестил как – Лелик и Болик.

Пройдя сквозь здание железнодорожного вокзала, троица вышла на привокзальную площадь, где на парковке стояла раздолбаная в хлам «десятка» цвета зеленый «металлик». Закидывая в багажник ВАЗа сумки, Степан с удивлением обнаружил там несколько деревянных бейсбольных бит, пару кусков арматуры «двадцатки» и три армейских ЗШ. Ладно, еще бейсбольные биты...судя по объему продаж этого девайса, в нашей стране проживает огромное количество фанатов бейсбола, ибо, бит продается с каждым годом все больше и больше, правда следует сказать, что при этом бейсбольных мячей и перчаток не продается вообще, но у украинцев, видимо, особый вид бейсбола в почете – тот, в котором не нужны мячи и перчатки, а только биты! Больше удивление вызвали армейские стальные защитные шлемы, которые в простонародье называют – каски. Но, каски, они у строителей, а у военных – защитные шлемы.

Лелик и Болик расположились на передних сидениях, а Степан устроился на заднем, удобно развалившись и вытянув ноги вперед. За окном проплывали пейзажи зимнего Киева. Как ни странно, но город совсем не выглядел революционным, таким как его, показывали с экранов телевизора. Нет ни баррикад, ни толп людей, на зарева пожарищ, от горящих крыш и автомобилей, нет даже усиленных милицейских патрулей. Тишь, да благодать! Может, и нет никакого Майдана, где, по словам очевидцев, ежедневно стоит десятитысячная толпа. Возможно ближе к центру города, что-то изменится?

Действительно, когда «десятка» приблизилась к Хрещатику, вид за окном немного изменился – стали попадаться одиночки и группы людей, одетых по-военному: камуфляж, тяжелые «берцы», защитные щитки на локтях и коленях, «разгрузки» и бронежилеты разной конфигурации. Отдельно следует упомянуть головные уборы: армейские ЗШ-68, известные всем, кто служил в армии, более современные защитные шлема, изготовленные из кевлара, строительные пластиковые каски, белого, оранжевого и красного цвета, велошлемы, мотошлемы, пентбольные маски и даже некогда секретные специальные титановые шлемы «Сферы» и СТШ-81.

Люди за окном целеустремленно шли в одном направлении – в сторону площади Независимости. Шли поодиночке, парами, группами и даже выстроенными попарно колоннами. Одни несли в руках доски, брус, автомобильные покрышки, трубы, перила, куски листового железа, мешки с кирпичами, брусчаткой и прочий строительный хлам, другие тащили сумки и пакеты с едой, пластиковые бутылки с водой, баулы с одеждой, смотанные в тюки одеяла, ну, а третьи несли канистры с бензином и авоськи, наполненные стеклянными полулитровками. При этом была еще отдельная категория граждан – флагоносцы, эти перемещались хаотично, как им вздумается, единственное, что их объединяло это активное регулярное махание стя-

гами, как будто им шла оплата за каждый отдельный мах. Полотнищ над головами людей было много: государственные желто-голубые флаги Украины, «Свобода», «Батькивщина», «Удар», «Правый сектор», «Самооборона Майдана», голубые флаги крымских татар, красно-черные «УНА-УНСО», флаги Евросоюза, а уж сколько было самодельных стягов, на которых красовались кривые надписи.

Чем ближе машина подъезжала к площади Независимости, тем медленнее она ехала – пешеходы чувствовали себя хозяевами на дороге и мешали движению транспорта, а уже через пару минут «десятка» остановилась, криво припарковавшись к бордюру.

– Опа-на! Всего полквартала не доехали, – пробурчал Лелик, себе под нос.

– Ничего страшного, не билыше пятаы хвылын и мы будэмо на мисци – ответил ему Болик.

– Ага, только придется идти через ряды «семерок», а оно нам надо?

– Да, ладно, тоби, нацэпымо шоломы та повязки, та як нибудь пройдемо!

Степан сидел молча, не вмешиваясь в разговор, он и так понял, что пани бояться каких-то загадочных «семерок» и очень надеются, что смогут пройти незамеченными, спрятав лица под масками и защитными шлемами.

– Приехали, на выход! – повернувшись, приказал, сидевший за рулем Лелик.

Степан выбрался из машины и достал из багажника свои сумки, помня, что ему никто не помогал, он сразу же закинул одну, а плечо, а другую взял в правую руку.

Сопровождающие Левченко парни, достали из багажника армейские шлемы и раскатав «балаклавы» нацепили их поверх масок. Ремешки, призванные фиксировать шлем, парни не стали затягивать, поэтому они сиротливо свисали по бокам.

– Есть, какая-нибудь тряпка, чтобы закрыть лицо?

Степан скинул с плеча сумку и, порывшись в ней, достал клетчатый платок – шемах, который очень часто называют – «арафаткой». Он тут же повязал её поверх головы, замотав свободными концами низ лица, оставив только узкую щель для глаз.

Лелик довольно кивнул головой и, повернувшись, повел их троицу вдоль улицы, уже через пару метров, они влились в общий поток людей идущих в сторону Майдана.

Главная площадь страны – майдан Незалежности была видна издалека. Поднимавшиеся вертикально вверх многочисленные столбы дыма, вьющиеся из труб печей, создавали впечатление, что Степан подходил не к сердцу столицы страны находящийся в географическом центре Европы, а стану дикарей – кочевников. Трудно было поверить, что все эти люди, которые сновали, вокруг неся в руках камни, палки, доски и куски железа, не повстанцы из какого-нибудь африканского фронта сопротивления, а вполне цивилизованные европейцы, многие из которых имеют несколько высших образований. Что могло заставить этих людей, сменить удобство благоустроенных квартир на холод и вши армейских палаток и самодельных домиков?

Первое, что почувствовал Степан, подходя к границам Майдана – запах...и не просто запах, а ВОНЬ!!! Как будто где-то поблизости прорвало, переполненный фекальными водами канализационный коллектор. А, ведь до первых рядов палаток надо было еще пройти не меньше сотни метров, а уже в нос шибало так, будто на дворе не морозная погода, а был жаркий полдень, где-нибудь вблизи общественного туалета.

– Ну, шо зразумив чым свобода тхнэ? – заметив скривившееся лицо Степана, спросил Болик. – Нэ пэрэймайся, за декалька хвылын звыкнешь.

Степан ничего не ответил, лишь сильнее надвинул клетчатую ткань платка на лицо. Впору подумать о респираторе, хотя, толку от этого, одежда так пропитается «запахом свободы», что в маршрутках люди будут безразлично воротить нос.

Когда троица пересекла невидимую черту – границу Майдана, людей вокруг стало настолько много, что возникло ощущение толчеи, присущей общественному транспорту в час пик.

– Тримайся ближе, та за торбынамы слидкуй, инакшэ видирвуть чы порежуть, – оказавшись рядом со Степаном, посоветовал Болик.

Левченко прижал сумки плотнее к телу и шагал быстрее. Палатки, навесы, зонты и самодельные павильончики сменяли друг друга, железные бочки, вокруг которых грелись, разномастно одетые люди, груды поленьев и дров, накиданные кучи тряпья, как на торговых развалах сэкенд-хэнда.

– Стоять, бояться! – зычный окрик заставил вздрогнуть и обернуться.

Обернувшись, Степан увидел, что отставший на пару метров Лелик, пытается вырваться из крепких объятий высокого мужчины одетого в натовский камуфляж с черным беретом на голове. Неожиданно, вокруг вдруг образовалось пустое пространство, которое еще несколько секунд назад было заполнено людьми.

– От курва матка! Тикай звидци, Степан, – Болик, отстранил в сторону Степан и воинственно вскинул бейсбольную биту.

Левченко скинул с плеча сумку и, поставив её на землю, вторая сумка, по прежнему оставалась в руках. Позади долговязого мужика в берете, собралась небольшая группа вооруженных битами и палками парней, упакованных в точно такой же натовский камуфляж. Получалось, что Степану, Лелику и Болику, противостояли семь человек. Из-за того, что у противников лица были закрыты масками, Степан не мог определить их возраст. Долговязому на вид было чуть больше сорока, лицо худое, хищное и злобный взгляд из-под тонких бровей.

– Где ваш сотник? А? Почему его не было на совете? – строго спросил долговязый, не выпуская из захвата рукав Лелика.

– Я откуда знаю? – пожал плечами Лелик. – Найди его и сам спроси!

– Слышь, ты? – долговязый подтянул к себе Лелика и выдохнул ему в лицо: – Я тебе сейчас ногу сломаю и ты уменя на пузе поползешь, ища своего пидора сотника, который фуй забил на совет старшин!

– Видчипысь вид нас. Тильки спробуй нас чыпаты, и цэ будэ вийна миж нашымы сотнями, – Болик сделал маленьких шажок вперед.

– ЧТО?! – надменно усмехнулся долговязый. – Ты мне угрожаешь? Что у вас есть? Три калеки и десяток малолеток? Все, вы мне надоели! – долговязый повернув голову вбок, бросил через плечо: – Бей, их!

Степан прыгнул вперед за мгновение до того, как долговязый повернул голову обратно. Используя импульс своего тела, Левченко метнул вперед сумку, ручки которой, так и держал в правой руке. Плотно набитый вещами десятикилограммовый баул, стенобитным тараном ударил долговязого в корпус... и опрокинул его назад.

Шестеро бойцов, которые были уже готовы ринуться в бой, замерли от неожиданности – их командир, получив удар сумкой, повалился на землю вместе с Леликом, чей рукав, он так и не выпустил из захвата. Заминка продлилась всего мгновение, но его было достаточно, чтобы Степан приблизился к врагу на расстояние удара. Левченко наносил стремительный удары, бил обеими руками, пытаясь достать сразу всех. Несколько секунд и на земле уже лежат двое бойцов, зажимая руками, разбитые в кровь лица... еще секунда и противник дрогнул и отпрянул назад, разрывая расстояние и прикрываясь фанерными щитами.

– Ну, шо, ты щэ хочешь воюваты? – гневно кричал Болик, избивая ногами катавшегося по земле долговязого.

Долговязый попытался встать, но удар Лелика битой, опрокинул его обратно.

– РАЗОШЛИСЬ! – раздался, усиленный громкоговорителем крик. – Разошлись, бляди, а то сейчас всех в асфальт закатаем!

Вдруг, как-то сразу стало многолюдно, Степан окружили несколько парней мощного телосложения, блокируя его действия, а уже через секунду, правая рука Левченко, оказалось вывернута и зафиксирована в болевом захвате. Вновь прибывшие были одеты в стандартный

армейский камуфляж украинской армии, а на рукавах у них были желтые повязки «самообороны Майдана».

– Ось, шо знайшов? – произнес один из бойцов, протягивая своему командиру связку ключей, которая была зажата в правом кулаке Степана. – Ты, бач, яка хитра зверюга!

Командир группы быстрого реагирования, призванной гасить конфликты среди бойцов Майдана, зажав подмышкой мегафон, взял в руку, протянутую ему связку ключей, и с интересом рассмотрел её. Связка, как связка – шесть ключей и брелок. Вот только брелок был необычный – немецкий винтовочный патрон, гильзу, которого просверлили и, высыпав весь порох, повесили на кольцо, удерживающее ключи. Пуля, гильза и часть ключей на связке, были густо залиты кровью.

– Сам придумал или кто подсказал? – спросил старший «самообонцев» у Степана.

– Мать природа подсказала, – пробурчал себе под нос Степан. – *Эти*, первыми начали, мы всего лишь оборонялись.

– Ну, да, вижу, как вы оборонялись – у вас нет ни единой царапины, а у *этих*, трое легкораненых. При этом у вас даже щитов не было.

– Панас, что за дела?! – размазывая кровавые сопли по лицу, возмутился, поднявшийся с земли долговязый. – Ты же сам в курсе, что на сегодняшнем совете не было их сотника. И совет постановил: найти его и спросить, где он шляется!

– Ну, а пацаны здесь причем? Или ты видишь среди них их сотника? – спросил «самооборонщик», возвращая связку ключей Степану. – Свободны! Если увидите своего сотника, то передайте ему, что его немедленно ждут в штабе. Если сотника не будет, пусть его заместитель придет или кто-нибудь из десятников. Если в течение часа никто из вашей сотни не появится в штабе, то вас разгонят!

Лелик подхватил с земли сумку Степана, и стремительно шагнул в толпу, плотным кольцом окружавшую спорщиков. Левченко хотел было обернуться, чтобы подобрать вторую сумку, но увидев, что её уже держит в руках Болик, направился вслед за Лёликом.

– Ничего себе, Удав, но ты крут! – восторженно, произнес Лелик, когда их троица отошла на безопасное расстояние: – С зажатым в кулаке патроном кинуться на шестерых парней, вооруженных щитами и палками.

– Дисно, Стэпанэ, ты кремезный чоловкя! Чым займався? Бокс, борьба! – Болик догнал Степана и протянул ему руку: – До речи, мэнэ зваты –Игор.

– А, меня – Василий, – представился Лёлик.

– Ну, а как меня зовут, вы и так знаете, – сказал Левченко. – Занимался: боксом, борьбой и рукопашным боем.

– А, за что тебя окрестили Удавом? – спросил Вася Лёлик.

– Не дай бог, тебе когда-нибудь увидеть, за что меня называют Удавом, – пробурчал себе под нос Степан.

– Не хочешь говорить, не говори, – легкомысленно пожав плечами, сказал Лелик. – Тем более, что мы уже пришли.

Лёлик поставил сумку перед входом в тамбур большой армейской палатки, рассчитанной на двадцать койко-мест. Выцветший от времени зеленый брезент, уныло обвес под тяжестью снежной шапки. Рядом с палаткой стоял деревянный поддон, на котором разместился мирно тарахтящий дизельный генератор. Большой пожарный щит, на котором висел ржавый багор и сломанная совковая лопата. Из прорехи в крыше, торчала длинная железная труба, из которой лениво вился белесый дымок. Чтобы брезент не загорелся, место прилегания трубы, было обложено кусками листового асбеста. Все свободное пространство, между палатками было завалено пустыми картонными коробками, деревянными и пластиковыми ящиками, вперемешку с грязным тряпьем и обрывками бумаги. Честно говоря, первое впечатление о Майдане у Степана сложилось очень гнетущее и печальное. Майдан напоминал гетто в Мексике, где прожи-

вали самые бедные и нищие слои населения. Да и внешний вид, а особенно запах, многих жителей Майдана, выдавал в них бомжей и бездомных. Причем, очень четко прослеживалась социальное неравенство участников Майдана – боевые и вооруженные отряды самообороны, имели намного лучшие жилищные условия, чем обычные протестанты, чья задача и призвание, заключалось, только в том, чтобы выходить на площадь, во время проведения массовых акций, концертов и Вече.

Пройдя внутрь палатки, Степан задумчиво оглядел обстановку. Двенадцать панцирных кроватей, несколько самодельных столов, восемь ярко-красных пластиковых стульев с логотипом известной торговой марки производящей пиво, рядом с входом конструкция, сбитая из досок, призванная служить гардеробной. Посередине палатки, на возвышении из кирпичей, стояла железная печь-буржуйка. К спинкам кроватей были прикручены листы влагостойкого OSB, сделано это было, для того, чтобы хоть как-то отделить спящего от холодной ткани палатки. Восемь из двенадцати кроватей были завалены вещами, остальные четыре свободны, на них лежали смотанные матрасы.

В палатке находился только один человек – молодой парень, лет восемнадцати, который полулежал на кровати и смотрел на экране ноутбука какой-то боевик.

– Лещ, ну и какого буя, ты не валяешься на кровати? – таща сумку впереди себя, спросил Лёлик.

– Между прочим, я дежурный. И сейчас не валяюсь на кровати, а охраняю имущество братьев, – даже не оторвавшись от просмотра фильма, произнес парень.

– Ну, а на кой ляд, генератор гоняешь? Топливо экономить надо!

– А, как я по твоему кино смотреть буду? Аккумулятор на «буке» совсем сдох и теперь работает только от сети.

– Лещ, ёкарный ты бабай! – возмутился Лёлик. – Оторвал свою задницу от кровати и бегом выключать генератор! Совсем уху ел, среди бела дня горючку жечь?! – звонкий подзатыльник скинул молодого парня с кровати.

– Ты чего? – потирая макушку, возмутился Лещ. – Сами и сидите тогда! Делать мне больше нечего, как тупить весь день одному в палатке. Да, я можно сказать, только ради того, чтобы погонять в «контру» на «буке» и согласился дежурить!

Выдернув из переноски штекер ноутбука, парень накинул на себя армейский камуфлированный бушлат вышел вон из палатки.

Степан не обращая внимания на словесную перепалку, разбирал свои вещи. Первым делом он достал из сумки утепленные штаны, куртку и комплект термобелья. Все-таки погода в Крыму стояла намного теплее чем в Киеве, и пока он дошел от машины до этой палатки, то порядком продрог, хорошо, что в палатке было натоплено. После верхней одежды, Степан извлек из сумки модульную ременно-поясную систему. Светло-зеленная РПС, была приобретена Степаном, несколько лет назад и до сих пор служила ему верой и правдой, хотя следует уточнить, что накладные карманы, отсеки и сумки, менялись каждый раз, в зависимости от того, что от них требовалось. Если ехать на рыбалку надо одно, а если «играть» в страйкбол, то совершенно другое, ну, а если бегать с «маркером», то там, только и нужно, что два длинный отсека, для запасных тубусов с шариками.

Видя, что Степан занят делом, Лёлик и Болик вышли из палатки, оставив Левченко одного. Степан только с облегчением перевел дух – теперь можно спокойной обстановке вооружиться. Удав извлек со дна сумки, чехол спального мешка, развязав шнурки завязок, Степан вытащил длинный кожаный сверток. Бережно развернув сверток, Левченко явил свету его содержимое: два длинных обоюдоострых кинжала, с длинной клинка двадцать сантиметров, два коротких ножа, с длинной лезвия двенадцать сантиметра, один швейцарский нож – «мультик», тычковый нож, два кастета и телескопическая раскладная дубинка, внешне похожая на длинный «полицейский» фонарик. Ножи Степан упрятал под куртку, кастеты разместились

в карманах «разгрузки», а дубинку-фонарик, повесил на пояс. Тычковый нож и «мультик» нашли свое место в наплечных карманах куртки. Последней из недр сумки, Степан достал «балаклаву». Левченко не собирался постоянно носить весь этот арсенал на себе, но вначале надо было разобраться с окружающей обстановкой, так как, все, что он видел до этого, навредило на тягостные думы. Уж, больно все окружающее не было похоже на ситуацию, которую держат под контролем. На Майдане царит разброд и анархия. Балом правят не лидеры оппозиции, а совет сотников. А, ведь еще есть и отдельные отряды ультроправых националистов, которые власть хотели на совет сотников. У красно-черных, совершенно другие планы на будущие, они не хотят вести страну в ЕС, им нужна Украина для «украинцев», под предводительством «белого вождя». Единственное, что все эти разномастные силы объединяло вместе – это ненависть к существующей власти, во главе с президентом Януковичем. Трудно даже представить, что будет со страной, если не дай бог, Янука скинут, оппозиция долго не удержится... и тогда, только гражданская война, как в Ливии, Египте и Сирии.

Левченко закрыл сумки и дополнительно обмотал их скотчем. Сумки Степан задвинул под кровать, а матрас размотал и поверх него бросил старую куртку и штаны.

– Ну, что готов? – заглянув внутрь палатки, спросил Лёлик. – Есть хочешь? Ну и отлично, пошли похаваем, а там, глядишь и Иванеж появится.

– Вещи можно спокойно оставлять или как?

– А хрен его знает, до сих пор, вроде не воровали, но сам должен понимать, что с каждым днем на Майдан прибывает все больше и больше новых людей. Сам видишь, что караульных стали выставлять, а еще две недели назад, палатку можно было оставить пустой на целый день, и никто посторонний в неё бы не зашел.

Болик куда-то исчез, так что кушать мы пошли вдвоем с Лёликом. Палатка, в которой осуществлялась раздача пищи, находилась совсем рядом – через три, от той, где меня поселили. Точно такая же армейская палатка, как и наша, перед ней, полосатый навес, под которым стоит большой стол. Три девушки заняты раздачей пищи: одна наливает чай и кофе в пластиковые стаканы, другая насыпает гречневую кашу с тушенкой в тарелки, ну, а третья выдает ложки, порезанные куски хлеба, колбасы и сыра. Тарелки накладывали с горкой, до верха – не скупясь. Колбасы и сыра, тоже можно было брать, сколько душе будет угодно... ну или желудку.

Вася Лёлик по-хозяйски прошелся вдоль очереди, перекидываясь короткими фразами, шутками и подколками с очередниками.

– Ну, что красавицы у нас на обед? – спросил Лёлик, заигрывающим тоном, пытаясь ухватить одну из девушек за талию. – Опять каша? И без салата?

– Вася бери, что дают, и не задерживай очередь, – не обратив внимания на игривый тон Лёлика, ответила девушка, угрожающее вскинув огромный черпак на длинной ручке.

– Вот так вот ты, Варюха и проворонишь свое счастье! – Лёлик предал свою тарелку Степану, а себе взял чистую и щедро накидал в неё резаной колбасы и сыра. – А мы, между прочим, тут втроем против семерых «оборонщиков» бились из соседней сотни. Разделали их подчистую, если бы «безопасники» не подбежали нас разнимать, то мы бы их на куски порвали!

– Врешь! – уверенно констатировала девушка, протягивая стакан чая Степану: – Новенький? Как зовут?

– Удав! – громко сказал Вася, не дожидаясь, пока Степан представится. – Между прочим, очень секретный и геройский товарищ. В международном розыске! Он у себя дома чуть не взорвал здание мэрии, четырех чиновников – казнокрадов и коррупционеров при этом побил! Видала какие герои теперь в нашей сотне!

– Это правда?! – девушка удивленно хлопнула ресницами. – Вы, вроде, не похожи на террориста.

– Ну, конечно, товарищ врет, – успокоил девушку Степан, незаметно пиная ногой Лелика. – Я всего лишь злостный алиментчик, который бросил три жены и восемь детей.

Девушка кокетливо хихикнула и задорно подмигнула Степану.

– А, ты ей понравился, – завистливо произнес Василий, когда они заняли освободившиеся места за раскладным столом под навесом. – Повезло!

– Чего это вдруг? – спросил Степан. – В чем везение? Девушка, как девушка. Симпатичная, но уж точно не фотомодель.

Действительно, девушка на раздаче особенно ничем не выделялась. В меру симпатичная, хотя оглядевшись по сторонам Левченко, отметил про себя, что почти все представительности слабого пола, коих он видел, были не накрашены, а без макияжа, да еще и в таких полевых условиях, когда на девушках напялена мешковатая, теплая одежда, очень трудно оценить степень их красоты и привлекательности.

– Ничего ты не понимаешь! Это же Варя! Между прочим, её отец один из координаторов Майдана, он раньше в КГБ служил. Понял?

– Нет.

– Ты, хоть знаешь, кто такие координаторы?

– Примерно. Координаторы, как не трудно догадаться, это люди которые координируют действия.

– Ага, а еще распределяют материальные блага. К примеру, деньги! Или ты думаешь, что все происходящее вокруг – это итог внезапной волны патриотизма, созданного при помощи благотворительных пожертвований простых киевлян? Как бы, не так! Оглянись вокруг: палатки, генераторы, одеяла, кровати, европоддоны, печки, дрова, флаги, электрика, ежедневные концерты, на которые приглашены знаменитые певцы и группы...биотуалеты, наконец! Кто все это купил? Оппозиция? Ага, щас, разбежались они свои денежки тратить! Да, вот взять, хотя бы эту колбасу, – Лёлик подцепил пальцами кругляшек полукопченного сервелата и отправил его в рот. – Я здесь уже две недели и каждый день нас кормят одной и той же колбасой. А это значит, что каждый день, кто-то целенаправленно закупает большие партии еды, ведь если бы нас кормили за счет пожертвований киевлян, то меню было бы более разнообразным, по крайней мере, колбасы было бы несколько десятков видов, а так, один и тот же сервелат, каждый день!

– Ну и причем здесь девушка Варя? – перебил Степан, логические размышления Лёлика. – Отец её, что ли колбасу поставляет?

– Не знаю, может и колбасу, но скорее всего он один из тех, кто распределяет здесь деньги. Вот когда Борис появиться у него и спросишь. Но, одно могу сказать наверняка у папика Варюхи денег куры не клюют, знаешь, на чем она ездит? BMW М6.

– И зачем она тогда здесь бомжам кашу раздает, если у неё столько денег? – обернувшись и посмотрев еще раз на девушку, спросил Степан. Раздатчица, как раз в этот момент тоже посмотрела на Степана и их взгляды встретились.

– Как это зачем? – удивился Василий. – По зову сердца! Или ты думаешь, что здесь только одни бомжи, да наемники, которые приехали заработать денег? Нет, дядя, ты ошибаешься! Девяносто процентов, всех, кто здесь: стоит, работает, воюет – они тут по своим нравственным убеждениям. Людям надоела власть бандитов и воругов, которые пьют кровь из простых людей! Знаешь сколько здесь успешных бизнесменов, представителей «золотой молодежи» и просто богатых людей, которые готовы бомжам жопы подтирать, лишь бы показать, что они патриоты? До фига! Ночь наступит, и тогда ты увидишь, сколько на самом деле людей ночует на Майдане, а остальные разъезжаются по своим теплым и благоустроенным квартиркам, чтобы отоспавшись в тепле завтра опять приехать в этот засранный и вонючий очаг свободы, и символ борьбы украинского народа!

– А на хрена ты ей сказал, что я – террорист? Тем более, что её отец, бывший гэбист? Во-первых, я не хотел взрывать мэрию, а всего лишь дал пару раз по морде зажавшимся чиновникам, а во-вторых, не дай бог, папа Вари меня сдаст эсбэушникам!

– Ты, чего?! – засмеялся Лёлик. – Кто тебя сдаст? У «Правого сектора» и «УНА-УНСО» знаешь, сколько парней находится в международном розыске? До хрена! Поэтому тут никто «балаклавы» и не снимает, потому что постоянно журналюги снуют туда-сюда, снимая и фотографируя всех подряд. Нет, ты теперь один из нас! Борец за свободу Украины! Ничего, скоро начнутся активные бои и нам только бы прорвать заслоны «Берута» и ворваться в правительственные кварталы – всех подряд будем вешать на фонарных столбах, кровища регионалов польется рекой! – Василий, с остервенением стукнул кулаком по столу и только матерно зашипел себе под нос, когда горячий кофе из перевернутого стакана, пролился ему на штаны: – Якорный карась! Через пару дней ты сам все поймешь! Здесь совершенно другие люди. Майдан меняет людей, он делает их другими! Здесь люди становятся свободными – можно делать все, что хочешь! Захотел – дал в рожу депутату, захотел – насрал под дверь мэрии, захотел – раскурочил дорогую иномарку...и тебе ничего за это не будет! Понимаешь? Вот она – свобода!

Степан оказался умнее, и вовремя подхватил свой стакан с чаем. Кашу он уже доел и сейчас, соорудив многослойный бутерброд, допивал уже остывший на холоде чай. В словах Лёлика, конечно была своя логика...но вот истины там не было. Да, свобода – это хорошо, но когда она превращается во вседозволенность, то становится страшно...очень страшно, потому, что у тех, кто почувствовал на губах вкус вседозволенности, когда ты можешь творить все, что угодно и тебе за это ничего не будет – нет предела...все они перешли свой Рубикон и возврата к прежней жизни не будет...никогда! Это как с медведем – людоедом. Людская молва гласит, что медведь, отведавший человеченки, становится «наркоманом» и больше ничего, кроме человеческого мяса есть не будет, потому что более нежного, вкусного и так аппетитно пахнущего страхом деликатеса в природе не сыскать... и тогда выход только один – людоеда надо пристрелить, потому что переделать, вылечить или отучить его, нельзя! Поэтому и с теми, кто почувствовал вкус свободы на Майдане, придется поступить так же! Другого выхода нет. Люди, меняющие государственный строй будут делать это постоянно, потому что высшая форма зависимости – это вседозволенность, их попросту уже ничего не будет «штырить и вставлять», они не смогут вернуться к мирной жизни, простых обывателей. Эдакий поствоенный синдром, когда вернувшихся из горячих точек ветеранов кидает в разные крайности и они становятся бандитами, убийцами и экстремистами, потому что получили такой укол адреналина, который уже никогда не забудут.

– Жрете?! – раздался знакомый голос над головой. – Террористы, фуевы!

Степан обернулся и увидел, довольно улыбающегося Ёжа. Последний раз Борьку он видел три года назад. Да-а! Друг, явно не голодал все это время. Судя по внешнему виду, Иванеж поправился килограмм на пятнадцать-двадцать: появилось округлое «пивное» брюшко, тройной, свиначий подбородок плавно перетекал в щеки, как у английского бульдога, а вялое рукопожатие потных ладоней, никак не могло принадлежать бывшему боксеру – полутяжу.

– Ничего себе ты раскабанел?! – Степан хлопнул друга по пузу. – Тебе, теперь, можно смело переходить в категорию – «супертяж»! Или все, с боксом закончено? Хоть изредка по мешку стучишь?

– Какой на фиг мешок? – отмахнулся Ёж. – Тут бывает, по несколько дней ничего не ешь. Жить некогда, а ты говоришь – бокс.

– Ну, да! Вижу я, как ты голодаешь. Опух от голода!

– Завидуешь? Завидуй молча! Прием пищи закончен? Отлично, тогда пошли прогуляемся.

Ёж надвинул на голову капюшон куртки и пошел прочь, Степан встал из-за стола и направился вслед за другом. Шли молча. Борис шагал быстро, не глядя по сторонам, так обычно двигаются люди, которым окружающие пейзажи обрыдли и они не обращают на них никакого внимания. А вот Левченко, вертел головой в разные стороны, с удивлением осматривая внутренне убранство Майдана. Многое поражало воображение и не укладывалось в голове. Как

писалось в одной старинной пьесе: «Здесь роскошь ходила под руку с нищетой, и царь мог обниматься с голытьбой». Рядом могли стоять вонючий бомж и прилично одетый человек в дорогом пальто. Мимо Степана пробежала знаменитая на весь мир певица, выигравшая в свое время престижный европейский песенный конкурс, при этом, на её ногах были извазюканые в грязи резиновые сапоги, а поверх шерстяного свитера накинут замызганный армейский бушлат. И это никого не удивляло. Ну пробежала знаменитость... делов то! Вокруг суетились тысячи людей, которые находились в постоянном движении и каждый был занят свои делом: кто-то набивал мешки песком, вперемешку со снегом, кто-то выламывал брусчатку, складывая её в кучи, которые тут же таяли на глазах, потому что камни складывали на самодельные носилки и утаскивали поближе к баррикадам, во многих местах проходили тренировки по рукопашному бою в строю, постоянно кто-то кричал в громкоговорители, отдавались приказы, гремели барабаны, изредка возникали стихийные митинги, на которых глашатаи поднимались на самодельные трибуны и вещали с них, призывая собравшихся к действию, причем очень часто эти действия были противоположными, крики, ругань, короткие схватки и драки. От всего увиденного голова шла кругом, и было совершенно не понятно, что всех этих людей держит вместе?

Изредка Ёж здоровался и перекидывался короткими фразами с встречаемыми людьми. Со стороны складывалось впечатление, что Борька занимает здесь какой-то определенный вес... не лидер конечно и не таинственный координатор... так менеджер низшего звена – старший сержант.

Пройдя сквозь ряды палаток, и свернув в один из проулков, Ёж петляя по дворам, вышел на широкую улицу. Посмотрев на табличку ближайшего дома, Степан прочитал надпись: «вулиця Прорізна». Борис подошел к припаркованному вдоль обочины корейскому внедорожнику «Хундай таксон» и «пикнув» сигнализацией открыл дверь. Левченко забрался на переднее сидение и, пристегнувшись ремнем безопасности, с интересом уставился в окно. От площади Независимости они отошли всего на пару сотен метров, а казалось, что Майдан остался в какой-то другой, извращенной реальности. По улицам ходили совершенно мирного вида люди: мамы с детскими колясками, пенсионеры с тросточками и малышня с ранцами за спиной.

Степан молчал, он помнил, что Ёж должен начать разговор сам. Ну, а раз Борис молчит, значит так и надо. Левченко подождет... он умеет ждать, он спокойный, выдержанный и хладнокровный... как Удав.

Ёж вел машину умело, как заправский таксист, он даже закурил, и одновременно разговаривал по телефону... не хватало только блатного шансона, льющегося из динамиков магнитолы.

«Хундай» колесил по улицам Киева минут тридцать, Степан, давно запутался в поворотах и перекрестках, не запоминая обратной дороги. Ёж остановил машину, когда она подъехала к реке. Днепр! Величественный, полноводный и могучий! Как там, у классика? Редкий москаль долетит до середины Днепра...

– Спасибо, что приехал, – это были первые слова, которые произнес Ёж, выбравшись из внедорожника. – Для меня это очень важно!

– Тебе спасибо, что принял, а то, знаешь ли, дома мне не сильно рады.

– А, ты чего с ними схлестнулся? Много денег просили?

– Надоело... деньги взяли, а вопрос не решили, только хуже сделали, – равнодушно ответил Степан, хоть все это произошло, сутки назад, но казалось, что было очень давно... в прошлой жизни. – Достали! Тянут, тянут деньги... все им мало и мало! Ладно бы еще как-то помягче, все это делалось... ласково что ли, так нет! Грубо, напористо... хуже чем бандосы в девяностых! Вымогатели, хреновы. Нервы у меня, просто ни к черту, последние два года, забрали очень много нервов и здоровья. Сорвался, вот и нагрубил, одной толстой жабе, а

она крик подняла...сбежались люди, пытались меня остановить, а я уже заведенный...короче, морды им набил, да в бега подался.

– Да, ладно. Не переживай. Через пару месяцев об этом забудут. Обычная хулиганка, не больше. Если, что – напишешь заявление о вымогательстве взятки. Их статья «тяжелее», чем твоя.

– Как бы, не так! – возразил Степан. – Я созванивался с Вовкой, по его информации: я – террорист, который пытался взорвать здание исполкома, при этом только личное вмешательство мэра, смогло предотвратить ужасную трагедию! Так, что теперь, я – террорист!

– Да же, так! Вот уроды! Ни хрена наших чиновников жизнь не учит! Скоро страна рухнет в тар-тарары, а они живут, как ни в чем не бывало! Но, ничего чуть-чуть осталось, еще пару месяцев и скинем чиновников и казнокрадов!

– Ты сам хоть в это веришь? – скептически, спросил Левченко. – Что может сделать пара тысяч молодчиков против государственной машины? Полк «Беркута» зачистит весь Майдан за пару часов!

– Они этого не сделают. Кишка тонка! Янук – бздун, который боится жестких решений, он упустил власть в 2005-ом, побоявшись применить силу, а в 2014-ом, ему вообще – хана! Он приговорен, собственной слабостью и нерешительностью! Поскольку мы с тобой дружим уже тридцать лет, я знаю, что тебе можно сказать все, что угодно. Так, вот: Януковичу нельзя было разгонять Майдан в конце ноября...понимаешь, нельзя! Евромайдан должен был разойтись сам через пару дней, а этот придурок решил показать свою крутость...и тогда, народ поднялся, уже не за вступление в ЕС, нет! Народ поднялся против Януковича!

– Пряма так, взял и поднялся? А, кто это спонсирует? Как то странно получается: одновременно и спонсоры нашлись и народ поднялся!

– Молодец! Догадался? Все было заранее спланировано! Тот, кто отдал приказ о зачистке Майдана, в наглую подставил, не только президента, но и всю «региональную шуштуру».

– Так, все-таки Майдан спонсируют?

– Ну, конечно! Куда же хохлы, без заграничных спонсоров. Спонсируют, еще как спонсируют! Десять процентов, выделяют местные олигархи, ну а остальное идет из-за бугра.

– А, как же обычные киевляне и их помощь? Её ты не берешь в расчет?

– Беру. Вот только этой помощи настолько мало, что её не стоит брать в расчет.

– А, кто спонсирует Майдан? Запад? Америка и Европа?

– А, давай, на этот вопрос, я отвечать не буду, – хитро подмигнув, ушел от ответа Ёж. – Через пару недель, ты сам все поймешь. Договорились?

– Договорились, – согласился Левченко. – Так, что там за дело на миллион долларов ты мне хотел предложить?

– Ну, собственно говоря, схема старая, но простая и надежная, как лом! Помнишь, как я в школе на обедах деньги «мутил»?

– Еще бы не помнить! Ты же нас со Слоном три месяца жувачками на халяву кормил и в салон видеоигр водил. Золотые времена!

– Вот и сейчас, примерно тоже самое: каждое утро, ты, вместо меня, будешь ездить на оптовые базы, и получать продукты питания, а на обратном пути заезжаешь в одно место и меняешь накладные...в итоге, товар в машине становится на несколько тысяч дороже. За месяц можно «накопить» до десяти тонн зелени. От заработка двадцать процентов твои, остальное – мне. Согласен?

– А, почему ты сам не хочешь этим заниматься?

– Меня переводят на другой уровень. Там, совершенно другие деньги, по сравнению с ними, десять тысяч долларов – это пшик!

– Ну, так, зачем тебе тогда оставлять эти «мутки» с едой? Жадный?

– Дело не в деньгах...вернее, не только в них, – с глубоким вздохом, ответил Ёж. – Если, кто-нибудь другой возьмется развозить продукты, то он сразу догадается, что я «мутил» деньги.

– Так, ты сразу же, своего наследника поставь в известность о «схеме», думаешь, попадетя «честный», который откажется от десятки убитых енотов в месяц?!

– «Честного» я не боюсь, потому что они все вымерли, еще раньше динозавров. Боюсь «дурака», который спалится и меня за собой утащит, а отряду финансовой безопасности Майдана только дай повод...и все! Поедешь в лес, копать себе могилу. А, возможен, еще один вариант – наследник, окажется, слишком умным и ушлым, сообразит, что да как и станет меня шантажировать. Оно мне надо?! В общем, вся надежда только на тебя – ты, слишком умный, чтобы «спалиться» и достаточно честный, чтобы меня не шантажировать!

– Но, я совсем не знаю города, как мне машину водить?

– Ерунда, ездить будешь одним и тем же маршрутом, так что особого ума там не надо. Ну, как ты согласен?

– Конечно, согласен, как будто у меня есть выбор.

– Ну и отлично! Может у тебя есть какие-нибудь пожелания или просьбы.

– У меня сейчас только две головных боли: как бы меня не выдали «мусорам» и как бы, выплатить кредиты!

– Ну, за первое не беспокойся, никто тебя не выдаст. Держись основных правил безопасности и все будет хорошо. А, по поводу кредитов, о какой сумме идет речь?

– Если говорить только о «теле» кредита, то примерно – шестьдесят тысяч долларов, а если с учетом процентов переплаты, то где-то, около – ста сорока тысяч долларов.

– Нормально! Куда столько бабла дел? Это сумма четырех кредитов. Тут тебе и две операции, и ДТП с участием «бэхи пятерки», так это, я еще бизнес свой продал, чтобы хоть часть долгов покрыть. Квартиру тоже продал, но деньги забрала жена, чтобы купить себе новую, поближе к теще.

– Ё-мое, вот это ты Удав встрял! Как же ты собирался из всего этого выбираться?

– В том то и дело, что был у меня план. Последний, четвертый кредит, я взял, чтобы открыть одно, очень интересное производство, но там, вся «схема» упиралась в помещение. Собственно говоря, из-за этого помещения, я и устроил дебош в исполкоме. Сорвался! У меня оборудование простаивает на складе перевозчика, а они, суки такие, говорят, чтобы я подождал еще месяц, вот я и не сдержался и нагрубил.

– А, с оборудованием, что?

– Ничего. Постои пару деньков на складе, да вернут отправителю. Я же его оплатил. Ну, заплатят они за меня пеню за простой, да транспортные расходы с пересылкой его обратно, но это все покроется стоимостью станков. Так, что они еще в плюсе останутся!

– А, кто отправитель?

– Одна киевская контора. Где-то на левом берегу находится. А, что?

– Так, я думаю, что можно будет с них потребовать стоимость оборудования. Оно же новое, ты ведь, даже не получал его. Так, что пусть возвращают деньги обратно.

– А, как их заставить сделать это? Я ведь в розыске, так что, сам понимаешь, мне не резон идти в суд.

– Херня! Разберемся! Черкни мне адресок этой конторы и что за оборудование, да и напиши сразу, в каких банках у тебя кредиты и номера договоров. Думаю, что мы тебе поможем!

– Думаешь, выгорит? – с нескрываемой надеждой в голосе, спросил Степан.

– Обещать не буду, но можно попробовать! Где наша не пропадала! Времена сейчас такие, что можно многие вопросы порешать! Поехали обратно, по дороге заедем в магазин, прикупим тебе «бронник», шлем и нормальный камуфляж...ну и биту, куда без неё.

Глава 5.

– Командир, зачем тебе забирать камеру, я ведь с флешки еще ничего не перекинул, – снова «заныл» Глаз, не желая смериться с потерей камеры. – Давай. Я тебе её завтра отдам. А?

– Глаз, я тебя знаю, ты ведь зараза такая, опять видео в «ю-туб» скинешь, да еще и музычку, какую-нибудь наложишь, чтобы смешнее получилось. Скажешь, нет?

– Командир, сам бог велел это сделать. Во-первых, лысого чиновника, который револьверы обоями снаряжает надо проучить, чтобы не выдумывал всякие гадости, а, во-вторых, другу твою поможем: глядишь, чиновники увидят в сети ролик, на котором, тот лопухий «ПеПС» рассказывает, как все было на самом деле, да включат заднюю. А, то с таким поворотом событий, твоему другу долго не бегать, объявят в международный розыск и все... суши сухари!

– Думаешь, поможет? – недоверчиво, спросил Слон.

– Ещё как поможет! – почувствовав, что командир начал колебаться, Глаз решил усилить напор. – Тут ведь как, если немного приукрасить действительность, да показать все, в несколько ином свете, то вполне может получиться!

– Хорошо! Только давай договоримся, что без моего согласия и предварительного просмотра, ничего в сеть не попадет!

– Идет! Командир, не переживай, я с пацанами такую киноху забацаю, что твоего кореша еще и к правительственной награде представят!

– Сплюнь три раза! В нашей стране, простых граждан, к правительственным наградам представляют только посмертно!

– Хорошо! Не будет награды, но несколько сотен тысяч просмотров за выходные, я гарантирую!

– Но, не забывай, я должен просмотреть это первым!

– Да, помню я, помню!

Глаз аккуратно вытащил из огромных лапиц Слона футляр с камерой и поскорее покинул спортивный зал, где некоторые бойцы отряда, под руководством Словника отрабатывали приемы противодействия уличным беспорядкам. В связи с обстановкой в Киеве, эти упражнения проводились ежедневно.

– Шаг! Шаг! Шаг! – кричал Слон, пытаясь перекричать, громко оружие динамики магнитофона. – Третий, семнадцатый! Делай, раз! Одновременно! Еще раз! Делай, раз! Синхронно! Еще раз!

Небольшой, полутемный спортзал был слабо освещен тусклой лампочкой – сороковкой, восемь бойцов выстроившись в два ряда по четыре человека, отрабатывали упражнение по оттеснению толпы и захвату активистов. Суть упражнения заключалась в следующем: строго по команде первый ряд «беркутовцев» наступал вперед, тесня и спрессовывая толпу «протестантов», а потом четко по команде старшего, два щита разъезжались в стороны и из толпы выхватывался один из бунтарей... щиты тут же смыкались вновь, образуя монолитную защиту бойцов. Особенно, ничего за тысячи лет сражений латников в пешем строю не поменялось, разве, что на смену арбалетам, лукам и пращам, пришли: «резиноплюи», светошумовые гранаты, слезоточивый газ... и прочие «прелести» в виде водометов и БТРов.

– Хорошо! Закончили, – Слон выключил магнитофон и с облегчением выдохнул. Громкий рев тяжелого рока, настолько надоел за сорок минут тренировки, что казалось еще немного и уши, действительно свернутся в трубочку.

– Пан командир, а какого лешего, ты нас мучаешь «металлом»? Может, что-нибудь полегче поставим, а? Рэп, например, у меня «случайно», даже диск с собой есть, – снимая тяжелый, защитный шлем, спросил подошедший боец.

– Заяц, к сожаленью, у меня нет записи шума уличных боев, но если ты против группы «Мордор», то я могу в следующий раз поставить тебе Стаса Михайлова. Согласен?!

– Нет! Не надо Михайлова! Пусть будет лучше «металл»!

– Ну, вот и отлично, а сейчас разошлись по шпалам и двадцать минут лупить ПээРами, как заведенные, и чтобы никто не халтурил и за столбы не прятался!

– Не бережешь, ты нас командир! Совсем загонял! – вытаскивая из ременного кольца палку резиновую или как её еще называют – «полицейская дубинка», произнес Алексей Беркулов, по кличке – Леший.

– Ничего Леший, как говорил Суворов – «Тяжело на учениях, легко на Майдане!»

– Тьфу, ты! Не дай бог, в Киев пошлют! – Леший демонстративно сплюнул три раза и перекрестился.

Владимиру Словнику больше всех в отряде не хотелось, чтобы их откомандировали в Киев, и дело было не в страхе перед агрессивно настроенной толпой, бояться он разучился давно, дело было в том, что подсознательно, глубоко в душе, он не хотел защищать чиновников и политиков. Ему, как офицеру дававшему присягу, было не все равно кого защищать и кому служить, это только в СМИ сотрудники «Беркута» выглядели, как тупоголовые чурбаны, готовые рвать всех на кого укажет перст хозяина. Конечно, если прикажут, то Владимир и все его коллеги соберут вещи, загрузятся в служебный «Икарус» и отправятся, хоть к черту на рога, но на самом деле, Словнику хотелось чтобы все чиновники, продажные политики и бюрократы одновременно пустили себе пулю в лоб, а потом еще одну... контроль, так сказать, а то, хрен его знает, есть в их черепушках мозги или нет.

Слону было тридцать пять лет, он, как мастер спорта, был победителем многих спортивных соревнований, отлично стрелял из всех видов оружия, мало того, имел диплом об окончании юридического ВУЗа, и при этом, каждый день, выходя на работу, не знал, вернется ли живым домой. Создавалось впечатление, что государство, которое он призван был защищать, всячески пытается осложнить ему жизнь: небольшая заработная плата, отсутствие льгот и никаких перспектив в плане решения пресловутого квартирного вопроса. Завтра Словник должен был забрать жену и новорожденную дочь из роддома и привезти их на съемную квартиру. Купить свое жилье, пусть даже малогабаритную однушку, не представлялось никакой возможности. Да, и откуда появятся эти возможности? Если средняя зарплата сотрудника «Беркута» не дотягивает даже до пятисот долларов, а если отряд находится на выезде, например, сдерживает толпу обезумевших футбольных «ультрас», которые забрасывают милиционеров камнями, арматурой, петардами и пластиковыми креслами, то им платят командировочные – аж! ... тридцать гривен в сутки, что составляет – три американских доллара. Получается, что опытный, потративший половину своей жизни на изнурительные тренировки сотрудник милицейского спецназа рискует жизнью, всего за три доллара в сутки!

После окончания тренировки Словник, съездил в управу и пообщался со следователем, который вел дело Левченко. Новости были не утешительные – ход расследования контролировал лично мэр города, но пока маховик поисковой машины не спешит раскручиваться, ведь будь ты кем угодно, но бюрократия в милиции, настолько велика и тяжеловесна, что резко сдвинуть её с места никому не подвластно... да, и непосредственное милицейское начальство в городе, понимало, что у мэра случилась очередная истерика или просто обострения мании преследования, которая повторялось с регулярностью раз в несколько лет. То граната влетит в окно, и не взорвется, потому что запуталась в тканевых жалюзиах, да так удачно запуталась, что предохранительный рычаг, так и остался на своем месте, несмотря на то, что кольцо было вырвано... как это могло произойти с боевой гранатой, так, до сих пор не понятно, но фото гранаты, пробившей двойное остекление и запутавшейся при этом к полоскам ткани, не сходило с городских передовиц несколько месяцев, то на мэра совершат нападения, какие-то народные мстители, которых так и не нашли.

Плохо было то, что сейчас страну трясло евромайдановская лихорадка, во время, которой из всех щелей поперло ультраправое движение...и как бы, не получилось так, что всей этой историей с Удавом не захотят воспользоваться некоторые деятели, чтобы показать свою преданность нынешнему президенту и его «смотрящим» на местах.

Вечером Владимир съездил к жене в роддом и привез все, что она заказывала. В Украине, хоть и была «бесплатная» медицина, но денег она жрала как голодный пес в морозную ночь. Уж, лучше бы никогда не попадать в украинские больницы и лечебные заведения, денег они вытянут столько, что сразу начинаешь ценить здоровый образ жизни. Возвращаясь домой, Слон не заметил, что его сотовый телефон разрядился, именно, поэтому он и не смог ответить на несколько телефонных звонков от Стаса Глинки, по прозвищу Глаз. Ну, а Стас, так и не дождавшись ответа от командира, решил сам, на свой страх и риск, выложить ролики с событиями в исполкоме во всемирную паутину. Очень часто, так и получается, что такая мелочь, как разряженный телефон, запускает цепь событий приведших к трагическим последствиям...или, наоборот, к чудесному спасению сотен, ни в чем не повинных жизней....

Следующий день был у Слона выходным, ну еще бы ведь предстояло такое важное событие, как приезд жены и дочери из роддома. Немногочисленная родня – тесть и теща, уже ждали его под стенами роддома, оставалось только навести последние штрихи в уборке и вызвать такси.

Первая половина дня прошла в приятных хлопотах и суматохе. Маленький сверток, с огромным розовым бантом, который Слон держал на руках, молчал и умиротворенно сопел... дочь спала. А, ближе к вечеру, в семнадцать двадцать, позвонили из управления и в срочном порядке вызвали Словника на работу...к начальнику на ковер!

– Словник, как такое могло получиться?! – красное от напряжения лицо командира, выдавало его ярость и негодование: – Ёбдить! Ты же опытный офицер? Как?! Это, кто-то из твоих бойцов! Уволить придурка, к чертовой матери! Немедленно говори, кто слил видео в интернет?

– Товарищ полковник, ну почему сразу мы? Мало, кто там снимал на видео? У нас по штату камеры не может быть, – покорно опустив глаза, соврал Слон.

– Капитан, какого ты мне втираешь? Камеры у них нет! Да, твой доморощенный Спилберг, в дежурке все уши прожужжал хвастаясь какую вы крутую камеру вскладчину купили! Ты, хоть понимаешь, что мне начальство из Симферополя всю плешь проело! Ты, мне скажи, ну на хрена вы это сделали?

– Ничего мы не делали товарищ полковник, – твердо стоял на своем Владимир. – Это кто-то другой. Я даже не знаю, что там за ролик попал в интернет.

– А, я тебе скажу, мне не трудно, – взревел полковник. – В интернете появилось видео, в котором вначале говорит заместитель мэра, а потом свою версию высказывает сержант милиции, который дежурил в здании исполкома. Как тебе такая залепуха?

– И, что?

– Ты, что издеваешься?! Они противоречат друг другу! Короче, хватит, мне мозг парить! Ты, хороший офицер, поэтому я тебя перед начальством отмазал, но выход у тебя и твоих парней сейчас только один – командировка в Киев!

– Товарищ полковник, у меня жена три дня назад родила, я их только сегодня утром домой перевез.

– Понимаю, но ничем помочь не могу, надо было думать раньше, когда видео в интернет сливали!

– И надолго ехать?

– А, вот это уже не от меня зависит, а от «майдануных» и руководства страны. Сколько надо, столько в Киеве и проторчите.

– Сколько человек едет в командировку?

– Двенадцать человек, ты – старший. Вот список, – полковник протянул лист бумаги, на котором был напечатан приказ о переброске личного состава крымского «Беркута» в Киев. – Завтра утром вас отвезут в Симферополь, а оттуда сборный крымский отряд отправят в столицу.

– Завтра?! Да, мы элементарно не успеем собраться, сейчас уже шесть часов вечера, а парням еще ничего не сообщили.

– Вот ты этим и займешься, тем более, что личный состав собран и ожидает новостей. Иди, обрадуй их!

– А как быть со снаряжением? В столицу, все-таки едем, надо бы как-то посолидней выглядеть, – задержавшись в дверях кабинета, спросил Словник.

– Не переживай, возьмете все самое лучшее. Свободен!

Выйдя из кабинета начальника Словник прислонился к стене и замер в задумчивости. Ничего хорошего предстоящее задание и поездка не предвещала. В Киеве было не спокойно, да что там – не спокойно. В Киеве все было плохо! Ехать в столицу совсем не хотелось, но никак «отмазаться» от поездки не получилось бы...да и не хотелось, как потом коллегам в глаза смотреть? Ну, что ж Киев, значит Киев...Майдан, так Майдан!

Глава 6.

Вот уже как полтора месяца Степан работал: экспедитором, водителем, грузчиком и охранником. Ёж не подвел, все получилось так, как он и говорил. Каждое утро Левченко просыпался в шесть утра и, забрав, с ближайшей автостоянки фургон «Ситроен Джампер», отправлялся на оптовую базу за продуктами питания. В день Степан ездил по одному и тому же маршруту четыре раза. Он успевал намотать чуть больше двухсот километров и перетаскать, загружая и разгружая машину несколько тонн. В целом работа, хоть и была тяжелая и монотонная, но не особо трудная. К физическим нагрузкам Степан привык с детства, а уж когда в юности, начались трудовые будни коммерсанта, то тут и говорить не надо, сколько всего было перетаскано и перегружено. На оптовых базах его загружали грузчики, а на Майдане помогали выгружать активисты, а Степану лишь оставалось, организовывать этот процесс, да следить, что бы все было уложено как надо.

Схема, придуманная Ёжом, была проста и банальна: на оптовой базе Степан получал колбасу, сыр, сливочное масло, сахар, крупы и макароны, которые по расходным накладным шли как весовой товар, а по дороге Левченко заезжал домой к жене Ёжа, которая выдавала ему другие накладные, где этот же товар был указан, как штучный. То есть получалось, что на базе было получено 100 кг. копченной колбасы, а когда машина приезжала на Майдан, то приемщик принимал товар, из расчета –триста палок колбасы, каждая весом в четыреста грамм, как ни трудно догадаться, «налево» списывалось – двадцать процентов. То же самое касалось и всего остального. То же самое касалось и всего остального. Произведя простой арифметический расчет, Степан сделал вывод, что Ёж на этой «схеме» зарабатывает в день, примерно – тысячу долларов, а в месяц, соответственно получается – тридцать тысяч американских рублей. Значит, Борька про «десятку зелени» в месяц врал...хотя, может он с кем то делиться из вышестоящих командиров, и ему действительно остается только треть...

Все это время Степан жил в той же самой палатке, в которую его поселили в первый день пребывания на Майдане. Ребята по жилью оказались веселые и дружные, почти все были из восточной и южной Украины, здесь, на Майдане, формирование сотен самообороны, очень часто происходило по национальному и территориальному признаку, ну, и по профессиональному. Приписан Степан был к сорок пятой сотне самообороны. В сотне было семьдесят три человека, а её номер был выбран произвольно – какой командиру понравился на момент создания отряда, такой и записали. Всего на Майдане было от двадцати до тридцати сотен, а по чис-

ленности они колебались от тридцати до трехсот человек. Вооружение у всех было примерно одинаковое – палки, дубины, биты, трубы и арматура...ну и брусчатка и кирпича, куда уж без этого орудия пролетариата.

В целом, пока все Степану нравилось – Ёж деньги платил исправно, каждые два дня по тысяче гривен, едой и жильем Левченко обеспечили, развлечений тоже хватало: ежедневные концерты на главной сцене Майдана, спиртное...и девчонки. Как говорить: «Телки, пиво, рок-н-ролл!» Хотя, спиртное было под строгим запретом на Майдане, причем руководство палаточного городка, смогло даже уговорить хозяев близлежащих магазинов о запрете продажи алкоголя. Но, русский человек, он, же такой – он всегда найдет: где и чем разжиться, чтобы забухать! Один из жителей палатки – толстый парень с густой, пышной шевелюрой, который отзывался на прозвище – Круглый, числился активистом-волонтером по приему благотворительных взносов. Каждый вечер Круглый приносил в палатку, что-нибудь из «пожертвований»: то ящик сигарет, то упаковку рыбных консервов или консервированной ветчины. Большую часть этих жертвований, Степан утром отвозил на оптовую базу, где менял грузчикам на спиртное – водку и пиво. А вечером, спиртное продавали соседям, понятное дело, что часть оставляли себе, ну, а выручку делили на всех.

Но, как говорить: в каждую бочку меда, кто-нибудь, да добавит черпак дегтя. Неприятных моментов было два. Первый – это командир сорок пятой сотни, а вернее сказать, жалкое подобие на командира. Молодой парень, лет двадцати, совершенно не понятно, за какие заслуги и качества был назначен командиром сотни. «Сорокапятка» организовалась в двадцатых числах декабря, когда отгремели бои на Майдане, длившиеся с первых чисел декабря и до его середины. Сотню организовали наспех, пытаясь пристроить одиночек, приехавших с юга и востока Украины. Боевых тренировок с сотней не проводили и ничему фактически не обучали. А, молодой сотник – Виталий Загубин, большую часть времени где-то пропадал, отключая свой мобильный телефон, из-за чего его постоянно искали. Поначалу людей в сотне это устраивало. Ну, а что? Действовал главный солдатский принцип: подальше от начальства и поближе к кухне. Бойцы сотни занимались в основном хозяйственными делами: рубили дрова, ставили палатки, разгружали и загружали машины, таскали строительный мусор к строящимся баррикадам. Ну, а когда, вокруг стало уж слишком много вооруженных и сплоченных в отряды людей, то стала четко видно расслоение активистов Майдана на «князей» и «холопов». Бойцы наиболее активных и воинственно настроенных отрядов постепенно выходили в более привилегированное положение, ну, а те, кто не брал в руки оружие и занимался в основном хозяйственными работами, понемногу скатывались вниз по иерархической лестнице Майдана. Часто, особенно по ночам, патрули боевых сотен, могли позволить себе излишнее рвение – то одного побьют, то другого, поэтому с приходом темноты, и окончанием концертов, «холопы» старались забиться поглубже в свои платки и не высовывать нос наружу, а если рядом раздавались подозрительные звуки, то моментально прикидывались крепко спящими. Хоть Степан и понимал, что он, из-за своего знакомства с Ёжом находится в несколько ином, более привилегированном положении, но становилось обидно за соседей по палатке. Лёлик, Круглый и Болик, каждый день обсуждали эту проблему. Изменить ситуацию могло только одно – смена командира сотни, на более боевого товарища. Ну, а вторая порция дегтя, это изменение, так сказать, «качественного» состава среди митингующих, а вернее, ежедневное увеличение среди протестантов выходцев из западных областей Украины, которые придерживались ультраправых позиций, а если проще, то на Майдан с каждым днем прибывало все больше и больше «нациков». Малочисленные отряды и организации правых: «Тризуб имени Бандеры», «Патриот Украины», «Белый молот», «Карпатская сечь» и еще несколько никому не известных объединились в одну силу – «Правый сектор». Откуда-то у них появились однообразные повязки, флаги и платки, когда успели все это сшить и привести не понятно, но ультраправых, как-то вдруг стало очень много...и самое неприятное, что они отказывались подчиняться объ-

единенному штабу оппозиции. И сразу же заговорили о фашистах... как-то до этого, никто и не думал, называть этих парней – фашистами, но после их объединения под единым красно-черным знаменем и открытым ношением желтых повязок с изображением wolfzangel («волчий крюк»), очень многие заговорили о них с опаской. Но, даже после объединения численность «фашиков» не превышала критический рубеж, бойцов обычных сотен самообороны было, все равно намного больше. Да, к тому же «Правый сектор» открыто враждовал с бойцами боевых отрядов «Свободы».

Левченко понимал, что зыбкий мир и его размеренное существование могут в любой миг нарушиться, причем этот момент, судя по всему, наступит очень скоро... и тут главное – выжить, потому что всем, кто был на Майдане давно было понятно, что мирно, как в 2004 – 2005-ом, все это не закончиться... будет кровь... много крови.

Как ни странно, но Степан проникся «философией» Майдана. Он вполне искренне, хотел того же, что и все остальные люди, окружавшие его – свержения существующей власти. Да-да! Всего две недели назад, Левченко рассмеялся бы в лицо любому, кто назвал бы его «майданутым»... а вот, видишь, как получилось и он «заразился» вирусом протеста. И, ведь у него, тоже были личные мотивы ненавидеть существующий порядок вещей в Украине. Он последние годы, только и делал, что горбатился каждый день, честно платя все налоги, тем самым выполняя свой долг перед государством... а государство, в свою очередь, наоборот, всячески старалось усугубить и без того тяжелое положение своих подопечных. Размер налогов, с каждым годом становился все больше, при этом, налоговое законодательство становилось все сложнее и запутаннее, за любую просрочку и не правильно поставленную запятую в отчетности вводились штраф и пени. Раньше Левченко, как-то особо об этом не задумывался, такой порядок вещей был для него привычным и понятным: если ты предприниматель, то ты должен платить. Раньше платили дань бандитам, потом, когда государственная машина убрала всех конкурентов, то дань стали платить ей... ничего, кроме размера дани не поменялось. Как платили, так и платят... только больше стали платить и все! И это было для Степана нормальным... ну, а как по-другому? Все-таки в Украине живем, здесь всегда так было. Но, вот оказавшись выдернутым из привычной обстановки и пообщавшись с новыми людьми, Степан с удивлением, для самого себя понял, что такой порядок вещей – не нормальный, и что все должно быть совершенно по-другому. Государство должно холить и лелеять тех за чей счет оно живет. Чиновники и слуги народа должны жить, как и все остальные люди в стране, ведь они не элита общества... они – СЛУГИ народа, их выбрали на короткий срок. А получалось, что слуги живут лучше, чем хозяева, да не просто лучше, а писец, как лучше... и ведут себя слуги народа не как подчиненные, а как божие помазанники, которые вдруг обрели бесконтрольную власть над серыми массами внизу. Может это окружающая обстановка так повлияла, а может еще что-то, но Степан четко для себя понял, что он хочет изменить мир вокруг. В какой-то миг он решил, что его не устраивает больше роль курьера, который помогает своему другу воровать деньги, ведь тогда, получается, что Ёж ничем не отличается от тех же казнокрадов – чиновников, против которых сам же и выступает! Сегодняшний день, а точнее вечер, Левченко назначил для себя – как момент, когда он серьезно поговорит с Ёжом, о том, что хочет перевестись в другую сотню, а самое главное, что больше не будет работать курьером на доставке продуктов. Ну и что, что он не заработает денег для погашения кредитов... хрен с ними с этими кредитами, теперь у него в жизни другие интересы и прерогативы!

Рабочий день подходил к концу, Степан сделал последнюю ходку на базу и сейчас разгрузившись на Майдане, ждал Круглого и Павла Иванова, вместе с ними он планировал съездить в один из районов Киева, где, по словам Круглого, они должны были забрать какие-то очень щедрые пожертвования, в виде тонны продуктов питания и нескольких сотен одеял. Это был дар, от одной из киевских коммерческих организаций, купили они это, на деньги, собранные с сотрудников фирмы, и даже хотели привести все сами, но в последний момент их «Газель»

приказала долго жить. Вообще, для подобных целей есть специальный транспорт, но поскольку представители фирмы-благотетеля обратились в палатку Круглого, то он решил, что стоит про-вернуть все самим, тем более, что можно будет часть продуктов и одеял оставить для собствен-ных нужд. Иванова взяли в качестве штурмана, он как коренной киевлянин знал город лучше всех.

– На кой ляд, вы шлемы взяли и дубье? – спросил Степан, когда Круглый, наконец, уме-стил свои телеса на переднем сидении. – Не дай бог, гайцы останоят, все нервы вытреплют!

– А куда мне каску девать? – ворчливо спросил Круглый, снимая с головы армейский стальной шлем, который был разрисован фосфорицирующимися люминесцентными крас-ками. – Сам же знаешь, что армейские каски на вес золота. Оставишь без присмотра, вмиг уведут.

– Это не каска, это СШ-68, то есть стальной шлем, образца 1968 года. Понял? – нраво-учительно произнес Степан. – Каска, вон у Иванова.

Действительно, на голове у Паши Иванова была надета заурядная пластиковая строи-тельная каска оранжевого цвета.

– Да, мне пох как ты её называешь, если все говорят – каска, значит это каска! –легко-мысленно отмахнулся Круглый. – А, ты, что в армии служил?

– Конечно! А как иначе?

– Как? Откосил и все!

– Там где я вырос, это было не принято, – спокойно ответил Степан. – Пацан должен был отслужить...либо отсидеть!

– Да-а, интересная перспектива, – глубокомысленно заявил Круглый.

Разговор затих как-то сам собой. Иванов изредка указывал, куда надо свернуть и где лучше проехать, чтобы объехать место, возможных автомобильных пробок – вечернее время, как раз час-пик.

– А, это точно, то место, куда мы должны были приехать? – спросил Круглый, с опаской выглядывая из окна. – Что-то не сильно это похоже на представительство крупной фирмы.

Действительно пейзаж за окном больше всего походил на декорации к фильмам об апо-калипсисе: заброшенная промышленная зона, полуразрушенные бараки и кучи строительного мусора. Фонарей в помине не было, хорошо, что ночь стояла безоблачная, да луна светила, как обезумевший прожектор.

– Куда сказал, туда и приехали, – недовольно скривившись, огрызнулся Иванов. – Позвони, переспроси адрес, может чего-то напутали?

Круглый достал из кармана куртки сотовый телефон и только собрался набрать номер, как неожиданно из ближайших развалин раздались частые выстрелы.

Щелк! Щелк! Щелк! – что-то мелкокалиберное било в короткий капот фургона.

– Ёп! Пригнитесь! – зло прошипел Степан, переключая фары на дальний свет.

Резко взвизгнув передними покрышками машина сорвалась с места и заложив крутой вираж, развернулась на засыпанном снегом пяточке.

Бум! Бум! – раздались глухие удар в борт фургона.

– Стреляют?! – громко закричал Иванов.

– Не бзди! Всего лишь кирпичи кидают! – успокоил товарищей Левченко. – Суки! Всю краску на машине побьют!

– Приехали! – испуганно прошептал Круглый.

Степан резко затормозил – впереди дорогу перекрывал ЗИЛ-«бычок», вокруг него сто-яли несколько парней, держащих в руках длинные пруты арматуры. Посмотрев в зеркало зад-него вида, Степан увидел, что путь назад тоже был отрезан – на дорогу выехал большой вне-дорожник «Паджеро».

– Твою мать! Зачем мы им? – истерично, закричал Иванов

– Выйди и спроси, – неожиданно спокойно, произнес Степан. – Пристегнитесь!

Сам Левченко был уже пристегнут, Круглый и Иванов, судорожно начали искать ремни безопасности.

– Здесь нет ремней! – хватаясь обеими руками за ручку над головой вскрикнул Круглый.

– Ну, значит вам не повезло, – таким же спокойным голосом ответил Левченко. – Держитесь, сейчас будет удар!

Фургон снова взвизгнув резиной покрышек, помчался назад! Парни, стоявшие перед ЗИЛом, растеряно замахали руками, а потом побежали за машиной – беглецом.

– Куда?! – заорал Иванов. – Там же иномарка! Не расплатимся!

– БЕЙ! – азартно выкрикнул Степан.

Задний бампер «Ситроена» был переделан в массивную железную ступеньку, выпирающую назад треугольником и заканчивающуюся крюком для прицепа. Эдакий, мегафаркоп!

Тресь! – сильный удар заставил «Джампер» вздрогнуть всем корпусом, а сидящие в кабине Степан, Круглый и Иванов, со всего маху ударились о спинки кресел.

– Помогите! У меня кровь! – схватившись за затылок, прошептал Круглый.

– Держитесь, это только начало, – Левченко, била крупная дрожь нервного возбуждения, при этом голос, по прежнему оставался спокойным. – Как только я прикажу, бегом из машины и бейте всех кого увидите!

Перегазовав фургон, взревел мощным, трехлитровым движком... колеса истошно вращались, издавая противный вой, но машина не двинулась с места, лишь задницу бросало из стороны в сторону. Хрясь! – противный скрежет и «Ситроен» прыгну вперед, как бык на торредора. Резко нажав на тормоз, Степан сдал назад и резко нажал на газ.

Тресь! – еще один удар, не такой сильный как первый, но все равно довольно ощутимый. Зубы Иванова звонко клацнули над самым ухом у Степана. Посмотрев в зеркало заднего вида, Левченко злорадно ухмыльнулся и, выжав сцепление, снова бросил машину вперед, на этот раз фургон ничего не держало и он сразу же, помчался вперед.

Неожиданно в свете фар, появилось трое парней бегущих навстречу. У одного из бегущих в руках был пистолет, Левченко бросил машину в сторону, одновременно с этим гася свет фар и уже через мгновение, включив фары на дальний свет. Яркий сноп света ударил по глазам парней, как выстрел. Бегущие, растерянно заметались в стороны, но было поздно, тупорылый капот «Ситроена» ударил одного из них по касательной в бок и тот как кегля отлетел в сторону. Резкий визг тормозов, машина на несколько секунд замирает как вкопанная и тут же срывается назад. Удар, машина подпрыгивает как лодка на волне и снова визг тормозов.

– Наружу! – громко крикнул Степан и первым выскочил из машины.

Выпрыгивая из машины, он резким взмахом «разложил» телескопическую дубинку, замаскированную под фонарик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.